

Татьяна Осина
Странный
ДОМ

18+

Татьяна Осина
Странный дом

«Автор»

2026

Осина Т. Г.

Странный дом / Т. Г. Осина — «Автор», 2026

Поздняя дорога, пустое шоссе, проколотое колесо и внезапно отключившийся телефон — так начинается для Данила знакомство с «гостеприимным» пансионатом в лесу. Он не собирался лечиться, его просто не выпустили. Когда муж перестаёт отвечать, Алина едет за ним и сталкивается со странным домом, где каждую случайность объясняют как судьбу, а любой протест — как «страх перемен». Но чем глубже она заходит внутрь, тем яснее понимает: выйти отсюда — ещё не значит вернуть мужа себе.

© Осина Т. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. За воротами	5
Глава 1. Утро, которое ничего не обещало	12
Глава 2. Последняя точка	21
Глава 3. Пока никто не верит	33
Глава 4. То, что осталось	43
Глава 5. Тот, кто смотрел из леса	53
Глава 6. Войти самой	62
Глава 7. Мы просто хотим поговорить	72
Глава 8. Ночь перед входом	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Татьяна Осина

Странный дом

Пролог. За воротами

Ночь здесь была не чёрной, а густой, как сырая земля.

Воздух не двигался. Он висел между стволами старых лип тяжёлым, влажным одеялом, пропитанным запахом прелых листьев, холодного металла и чего-то ещё — сладковатого, приторного, напоминающего цветы, которые распускаются только в темноте и только там, где земля удобрена щедрее, чем того требует природа.

Мужчина споткнулся о корень, торчащий из земли, будто кость какого-то древнего, давно похороненного существа. Он едва удержался на ногах — и, задышавшись, ухватился рукой за ствол дерева. Ладонь тут же соскользнула по мокрой коре, покрытой мхом и какой-то слизкой, неестественной влагой. Пальцы дрожали так сильно, что он не сразу понял, кровь это или дождевая вода. Когда поднёс руку к лицу — в тусклом, почти не существующем свете, — то увидел и то и другое: чёрную, густую жидкость, смешанную с красным.

Он понятия не имел, где рассек ладонь.

Он понятия не имел, где находится и сколько времени прошло с того момента, как он открыл глаза на холодном каменном полу.

Где-то позади, за полосой голых кустов — таких же старых, таких же неправильно подстриженных — поднимался высокий забор. Даже в темноте он казался бесконечным: гладкий, чёрный, без щелей, без табличек, без звонков, без калиток, без малейшего признака жизни. Только сверху тянулись острия декоративных пик, похожие на копья, и в редких промежутках между ветвями мелькал тусклый жёлтый свет из высоких окон особняка.

Он обернулся. Сделал это медленно, потому что шея отказывалась поворачиваться до конца. Там, под левым ухом, пульсировала тупая боль, и кожа была липкой на ощупь.

Свет в окнах не двигался.

Но он знал: его ищут.

В ушах всё ещё стоял звук тяжёлых шагов по каменному полу. Спокойных, неторопливых. Размеренных, как удары метронома. Не шагов человека, который боится упустить добычу или опаздывает. Нет. Шагов того, кто уверен, что время работает на него. Что сбежать отсюда нельзя. Потому что никто никогда не сбегал.

Мужчина судорожно втянул воздух — он пах плесенью, сырой землёй и тем сладким цветочным ядом — и заставил себя идти дальше.

Каждое движение отдавалось болью в боку, такой острой, будто между рёбер засунули нож и теперь каждый шаг вгонял его глубже. Нога подворачивалась на каждой кочке, на каждой ямке, присыпанной прелыми листьями. Левый ботинок был почти сорван — шнурки развязались или были выдраны, он не помнил — и мокрая трава липла к носку, холодная, скользкая, живая.

Он уже не помнил, где потерял куртку. Не помнил, куда делся свитер. На нём была только тонкая, измятая рубашка, и холод вгрызался в спину, в грудь, в руки так глубоко, что кожа покрылась гусиной, а зубы начали выстукивать дробь, которую он не мог остановить.

Помнил только яркий свет в лицо. Чужие руки — много рук: сильные, сухие, с длинными пальцами. И голос женщины. Очень тихий, почти ласковый. Тот самый голос, который он слышал сквозь пелену, когда сознание возвращалось обрывками, как рваная киноплёнка.

— Не надо сопротивляться, — сказала она тогда. — Здесь вам помогут.

Помогут.

Он коротко, почти беззвучно усмехнулся и тут же сжал зубы — до скрежета, до боли в челюсти — потому что смех сорвался в кашель. Надрывный, влажный, с чем-то металлическим на языке. Он прижал разбитую ладонь ко рту, чтобы заглушить звук. Но звук всё равно вырвался и распался между деревьями, будто стая встревоженных птиц.

Никто не отозвался.

Но он знал, что его слышали.

Деревья редели. Впереди между стволами темнела узкая просека — тропа, заросшая высокой, выше колена, травой. А за ней, насколько он мог разглядеть в этом вечном, неразбавленном мраке, должна была быть дорога. Или хотя бы выезд к служебным воротам.

Он видел их.

Когда его вели через внутренний двор, он успел заметить только куски картинки, как через запотевшее стекло: низкие, металлические ворота, встроенные в каменную стену. Замок — тяжёлый, амбарный. Камера над дугой фонаря, похожая на круглый стеклянный глаз. Тогда, под конвоем двух молчаливых фигур в тёмном, он успел разглядеть кусок гравия, мокрую клумбу с чёрными, почти невидимыми цветами и собственную машину.

Собственную машину.

Мысль ударила в голову яснее боли. Ярче паники. Острее холода.

Значит, всё это было не случайно. Не похищение ради выкупа, не ошибка одуревших от безнаказанности бандитов, не слепое уличное нападение. Его привезли сюда на его же машине. На той, которую он сам выбрал в автосалоне три года назад. На той, из которой так и не выветрился запах кофе и жёлтых осенних листьев, потому что дочка любила приносить их с прогулок и прятать в карман заднего сиденья.

Значит, кто-то сел за руль после того, как он потерял сознание.

Значит, кто-то знал, куда его везти.

Он остановился.

В памяти вспыхнула обочина. Дорога за городом, пустая, как в постапокалиптическом фильме. Столб с ободранной рекламой. Пустота вокруг — никаких домов, никаких фонарей, только поле, лес на горизонте и небо, затянутое такой низкой, тяжёлой тучей, что казалось — до неё можно дотянуться рукой. Холодный вечерний воздух, обжигающий горло, пока он доставал запаску из багажника. Гудок проносящейся фуры — такой громкий, что заложило уши. Телефон, зажатый плечом между ухом и курткой, потому что руки были заняты.

Голос жены в трубке. Живой, обычный, домашний. С лёгкой ноткой усталости, потому что дети опять не ложились спать, и кошка разбила кружку, и в кране — снова — течёт.

«Да всё нормально, — сказал он тогда, даже улыбнувшись в темноту. — Колесо пробил. Какую-то хрень на дороге не заметил. Сейчас поставлю запаску и поеду. Буду через час. Максимум — через полтора».

Он даже не выключил звонок. Просто сунул телефон в карман и наклонился к домкрату.

Потом рядом затормозила машина.

Белая. Или серая. Он не успел рассмотреть. Мужчина в тёмной куртке вышел и спросил, нужна ли помощь. Голос у него был обычный, дружелюбный. Таким голосом спрашивают дорогу или время. Таким голосом предлагают помощь застрявшему автомобилисту в пустой вечерней темноте.

«Да вроде сам справлюсь», — ответил он.

Мужчина улыбнулся. Кивнул. Сделал шаг назад.

Второй появился слишком тихо. Словно материализовался из темноты — из того места, где поле встречается с лесом, где нет ни фонарей, ни машин, ни свидетелей. Он не услышал шагов. Не заметил движения. Только почувствовал удар в шею — резкий, короткий, точный. И запах. Вонь какой-то химии. Острой, сладковатой, заползающей в нос и рот, как живая. Она перебила запах осени, бензина, влажной земли.

А дальше было что-то рваное, невозможное — земля под щекой, холодная, с мелкими камешками, потом чьи-то руки, потом тишина.

Не та тишина, ночная, к которой привыкаешь в городе. Не тишина пустого дома или затихшего в час пик офиса. Другая. Закрытая. Мёртвая. Тишина толстых стен, длинных коридоров и людей, которые говорят шёпотом.

Он научился различать оттенки этой тишины, пока лежал с закрытыми глазами на том самом каменном полу, притворяясь, что всё ещё без сознания.

Люди здесь не говорили — они переговаривались. Короткими, обрубленными фразами. Без имён. Без лишних слов. Только то, что необходимо для дела. И все эти слова были о нём.

«Пульс стабилен. Реакция на свет — замедленная. Возможно лёгкое сотрясение».

«Не важно. Второй этап всё равно начнётся не раньше утра».

«Она уже знает?»

Пауза. Долгая, тяжёлая.

«Она всегда знает».

Он тогда сдержал дыхание, замер так, будто превратился в камень, в часть этого холодного пола, в предмет интерьера. Они прошли мимо. Двое — судя по шагам. Или трое. Дверь закрылась без скрипа, без щелчка — мягко, как в операционной.

Он лежал и слушал, как его собственное сердце отбивает каждый удар слишком громко. И думал: кто такие «она»? И почему она всегда знает?

Он заставил себя идти дальше.

Просека вывела его к старой каменной дорожке — почти ушедшей в землю, заросшей мхом и мелкой, цепкой травой. Плиты были неровными, скользкими, сдвинутыми временем и корнями. По обе стороны торчали низкие кусты, подстриженные слишком ровно для этого забытого угла. Слишком симметрично. Слишком правильно. Будто кто-то выходил сюда с садовыми ножницами раз в две недели, несмотря на то, что никто никогда не ходил этой дорогой.

От этой правильности по спине побежал озноб.

Потому что она означала порядок. А порядок в таком месте означал только одно: здесь всё продумано. Здесь нет случайностей. Ни куста, ни камня, ни трещины в асфальте, которые могли бы стать твоим шансом.

Он шёл, пригибаясь, хотя над головой не было ничего, кроме низких ветвей, и в какой-то момент понял, что дышит всё чаще, всё шумнее. Пот заливал глаза, и когда он вытер лицо рукавом — рубашка промокла насквозь, прилипла к груди, к животу — то увидел, что рука дрожит мелкой, неприятной дрожью, какой-то нервной, не связанной с холодом.

Из дома донёсся звук.

Сначала он решил, что это ветер запутался в кронах и не может выбраться. Потом понял — голоса.

Они пели.

Негромко. На одной тянущейся ноте, без слов, которые можно было бы разобрать. Женские голоса. Молодые и старые одновременно. Будто одна и та же мелодия проходила через десятки глоток, через сотни лёгких и становилась от этого только тоньше, прозрачнее, холоднее. Она не поднималась вверх — она стелилась по земле, как туман. Она проникала в уши, в нос, в поры кожи, и на мгновение ему показалось, что сам воздух вокруг натянулся, как струна, и если её коснуться — зазвучишь вместе с ними.

Он замер посреди дорожки, и всё тело покрылось липким, ледяным потом.

Пение оборвалось.

Так резко, будто кто-то захлопнул крышку рояля.

Где-то хлопнула дверь — далеко, в глубине дома, но звук разлетелся по всей усадьбе, отразился от стен, от забора, от деревьев, вернулся многократным эхом.

Потом раздался лай собаки.

Один. Короткий. Громкий. Сразу за воротами — так близко, что показалось — она стоит за ближайшим кустом и смотрит на него горящими глазами.

Он рванул вперёд.

Боль вспыхнула в боку так, что перед глазами поплыли жёлтые и белые круги, но страх оказался сильнее — он бежал, согнувшись почти пополам, цепляясь за кусты и низкие ветви, сдирая кожу с пальцев, теряя второй ботинок где-то в грязи. Дорожка резко свернула к боковой аллее, и там, в просвете между стволами и стриженными кустами, действительно виднелись ворота.

Не главные — маленькие, хозяйственные, встроенные в каменную стену так плотно, что казалось — стена выросла вокруг них, обняла, срослась с ними. За ними белела полоса дороги. Широкая. Пустая. Свободная.

Свобода была в десяти шагах.

На шестом шаге над воротами зажёгся прожектор.

Свет ударил сверху — ослепительный, беспощадный, белый, как хирургическая лампа. Он разорвал темноту на куски, выхватил из мрака каждую травинку, каждый камешек, каждую морщину на его лице. Мужчина прикрыл глаза рукой и инстинктивно отступил назад, споткнулся о край дорожки, едва не упал.

Камера под фонарём мягко повернулась в его сторону. Чёрный стеклянный глаз. Никакой красной лампочки, никакого моргающего индикатора. Просто гладкая, тёмная линза, которая смотрела на него с холодным, механическим любопытством.

Он услышал едва различимый щелчок. Фокусировка. Или затвор. Или что-то другое, чего он не понимал.

— Стойте, — произнёс женский голос.

Он не сразу понял, откуда он идёт и кому принадлежит. В ушах всё ещё стоял тот беззвучный звон, который бывает после громкого звука — или после удара по голове. Он обвёл взглядом двор, мигая и щурясь от света.

Потом увидел её.

Женщина стояла не у ворот и не у камеры. Она стояла чуть в стороне, под навесом, где дорожка сворачивала к хозяйственным постройкам и терялась за штабелями дров и старыми, ржавыми вёдрами. В длинной чёрной мантии с капюшоном на голове. Лица было почти не видно — только подбородок, острый и бледный, и блеск щеки — фарфоровый, прозрачный, как у больного, который месяцами не видел солнца.

Она не делала ни шага к нему. Не поднимала рук. Не звала на помощь. Не доставала оружия. Просто стояла так спокойно, словно вышла встретить позднего гостя, который потерял ключи.

— Вам нельзя туда, — сказала она.

Он попятился — сделал шаг назад, другой, третий, пока спиной не упёрся в холодный каменный столб, о который даже не знал, что можно упереться. Дорожка здесь сужалась, и справа начиналась какая-то стена — сарай, гараж, склад, не разобрать.

— Кто вы такие? — спросил он.

Голос прозвучал хрипло, чуждо. Это не был голос человека, который задаёт вопрос, ожидая ответа. Это был голос человека, который уже знает, что ответ ему не понравится.

Женщина чуть склонила голову набок — медленно, плавно, будто у неё было сколько угодно времени на этот жест.

— Те, кто услышал вас раньше, чем она, — произнесла она мягко, доверительно, словно делилась секретом.

— Что?.. — Он не понял. Или не хотел понимать. Мозг отказывался переводить её слова из набора звуков в смысл.

— Вы же сами приехали к нам, — сказала она и сделала крошечный шаг вперёд — настолько маленький, что можно было не заметить. — В тот момент, когда поняли, что дома вас уже не слышат.

Он смотрел на неё, не понимая. Точнее — не желая понимать. Потому что где-то глубоко, на дне той чёрной ямы, куда закатывается всё, во что не хочется верить, он уже понимал. Знал. Чувствовал.

Это был не разговор. Это была ловушка, сотканная из чужой уверенности. Он уже слышал здесь такие голоса — ровные, бесцветные, убеждающие не словами, а интонацией. Они говорили так, будто спор невозможен в принципе. Будто любое сопротивление — лишь временная стадия того самого согласия, к которому ты всё равно придёшь. Рано или поздно. С болью или без. Но придёшь.

За её спиной мелькнула ещё одна тень.

Потом вторая.

Из темноты — из-за угла дома, из-за кустов, из-за навеса — выходили люди. Тоже в чёрном. Тоже молчаливые. Тоже медленные. Без спешки. Без суеты. Они не бежали за ним, не кричали, не пытались схватить силой. Они просто шли — и от того, как они шли, становилось дурно.

Потому что в этом отсутствии спешки было что-то хищное. Уверенное. Они знали, что времени у них больше, чем у него. И что от него деваться некуда.

Мужчина резко рванулся к воротам — последний рывок, последний взрыв адреналина, последнее «нет», которое его тело могло сказать этой ночи. Он навалился плечом на калитку, ударил в неё всем весом, потом ещё раз, ещё. Металл даже не дрогнул. Тяжёлый, старый, кованый — он стоял, как вросший в стену, как часть фундамента.

Он дернул ручку раз, другой, с силой ударил кулаком по холодному железу. Бесполезно.

— Откройте! — хрипло крикнул он. — Слышите? Откройте! Кто вы такие, чёрт вас дерит? Откройте сейчас же!

Никто не ответил.

За стеной проехала машина. Близко. Так близко, что он слышал не только шорох шин по мокрому асфальту, но и музыку — глухой, вибрирующий бас, который доносился из открытого окна. Чья-то обычная жизнь проходила в нескольких метрах отсюда. Фары, музыка, поздняя дорога, люди, которые едут домой к чаю или к спящим детям. И никто не знал, не мог знать, что за этой стеной, за этой гладкой чёрной плитой, человек в рваной рубашке, босой, окровавленный, бьёт в ворота так, что сдирает кожу на ладонях.

И никто не придёт.

Он обернулся.

Люди в чёрном остановились полукругом в нескольких шагах. Ни один не двигался первым. Они ждали. Смотрели. Молчали.

Только женщина под навесом не сдвинулась с места — её капюшон был чуть приподнят ветром, и он увидел уголок рта, бледный, сухой, чуть приоткрытый. Она не улыбалась. Она просто смотрела прямо на него — и от этого взгляда становилось пусто внутри.

— Где моя машина? — выдохнул он, чувствуя, как голос ломается, как в горле встаёт ком.

— Там, где должна быть, — ответила женщина.

— Вы не сможете держать меня здесь.

— Уже держим, — просто сказала она. Без злорадства. Без торжества. Констатация факта, как показания термометра или время на часах.

Он хотел ответить — может быть, закричать, может быть, спросить о чём-то главном, о чём до сих пор боялся спрашивать, — но в этот момент в кармане брюк что-то коротко завибрировало.

Телефон.

На секунду он не поверил. Решил, что почудилось. Что это просто нервный спазм, выдуманное ощущение, которое разыгралось воображение на грани истерики.

Но вибрация повторилась.

Коротко. Резко. Так вибрируют только вызовы от важных контактов — он сам когда-то настроил эту опцию.

Потом, не сводя глаз с людей перед собой, дрожащей рукой полез в карман. Пальцы были скользкими от крови и пота, и он едва не выронил телефон дважды. Пальцы нащупали холодный прямоугольник. Экран вспыхнул слабым, почти умирающим светом — батарея была на последнем издыхании, и стекло в правом верхнем углу разошлось паутиной трещин.

Один входящий вызов.

На экране светилось только одно слово.

«Жена».

У него перехватило дыхание.

Он смотрел на это слово, на эти пять букв, на родной номер, который знал наизусть, и чувствовал, как всё внутри — страх, боль, отчаяние, холод — схлопывается в одну точку. В один звук. В одно желание.

Услышать её голос.

— Нет, — тихо сказала женщина в чёрном. Она сделала шаг вперёд. Теперь быстрее.

Он нажал на принятие.

— Алло...

Собственный голос прозвучал так хрипло, так чужо, будто говорил не он, а кто-то другой, застрявший у него в горле. Будто это был человек, который уже три дня не пил, не спал, не дышал нормальным воздухом.

В трубке послышался шум, треск, помехи — как будто связь шла через глушилку, через толщу земли, через свинцовые стены. Потом, сквозь всё это, пробился далёкий, испуганный женский голос:

— Ты где? Я тебя не слышу. Что случилось?

Он открыл рот — и не смог произнести ни слова.

Потому что в этом голосе было всё. Дом. Тепло, кошка, которая утром опять придёт будить. Вчерашний ужин на плите. Завтрашнее утро. Жизнь. Просто жизнь. Обычная, скучная, бесконечно драгоценная жизнь, от которой его отрезали, как скальпелем.

Сзади послышались шаги. Теперь быстрые.

— Слушай меня, — выдохнул он, не отрывая взгляда от приближающихся фигур в чёрном, не чувствуя, как слёзы — или дождь — текут по щекам. — Не верь им. Не приезжай сюда. Слышишь? Не—

Удар пришёлся сбоку.

Тяжёлый. Точный. Ниже ребер, туда, где воздух кончается и начинается только боль.

Телефон вылетел из руки, описал короткую дугу и ударился о каменную плиту. Экран погас — не сразу, а с каким-то печальным, умирающим мерцанием, как будто он тоже что-то хотел сказать напоследок.

Он упал на колени, успев увидеть только, как чья-то нога в чёрной обуви — тяжёлый ботинок на толстой подошве — наступает на телефон каблуком.

Хруст был тихим, почти деликатным. Стекло, пластик, плата — всё

«Жена».

У него перехватило дыхание.

Он смотрел на это слово, на эти пять букв, на родной номер, который знал наизусть, и чувствовал, как всё внутри — страх, боль, отчаяние, холод — схлопывается в одну точку. В один звук. В одно желание.

Услышать её голос.

— Нет, — тихо сказала женщина в чёрном. Она сделала шаг вперёд. Теперь быстрее.

Он нажал на принятие.

— Алло...

Собственный голос прозвучал так хрипло, так чужо, будто говорил не он, а кто-то другой, застрявший у него в горле. Будто это был человек, который уже три дня не пил, не спал, не дышал нормальным воздухом.

В трубке послышался шум, треск, помехи — как будто связь шла через глушилку, через толщу земли, через свинцовые стены. Потом, сквозь всё это, пробился далёкий, испуганный женский голос:

— Ты где? Я тебя не слышу. Что случилось?

Он открыл рот — и не смог произнести ни слова.

Потому что в этом голосе было всё. Дом. Тепло, кошка, которая утром опять придёт будить. Вчерашний ужин на плите. Завтрашнее утро. Жизнь. Просто жизнь. Обычная, скучная, бесконечно драгоценная жизнь, от которой его отрезали, как скальпелем.

Сзади слышались шаги. Теперь быстрые.

— Слушай меня, — выдохнул он, не отрывая взгляда от приближающихся фигур в чёрном, не чувствуя, как слёзы — или дождь — текут по щекам. — Не верь им. Не приезжай сюда. Слышишь? Не—

Удар пришёлся сбоку.

Тяжёлый. Точный. Ниже ребер, туда, где воздух кончается и начинается только боль.

Телефон вылетел из руки, описал короткую дугу и ударился о каменную плиту. Экран погас — не сразу, а с каким-то печальным, умирающим мерцанием, как будто он тоже что-то хотел сказать напоследок.

Он упал на колени, успев увидеть только, как чья-то нога в чёрной обуви — тяжёлый ботинок на толстой подошве — наступает на телефон каблуком.

Хруст был тихим, почти деликатным. Стекло, пластик, плата — всё смешалось в один короткий, влажный звук.

Пение началось снова.

На этот раз ближе. Гораздо ближе. Казалось, поют не в доме, а у самого его уха — и голоса эти сплетаются во что-то тягучее, древнее, от чего хочется закрыть уши, зажмуриться, провалиться сквозь землю.

Женщина в мантии подошла вплотную. Теперь он видел её лицо — бледное, гладкое, без единой морщины, без возраста. Глаза тёмные, глубокие, непроницаемые. Она наклонилась к нему, и её губы почти коснулись его уха.

Она сказала — так спокойно, так уверенно, словно продолжала давно начатый разговор, словно он уже согласился, уже понял, уже сдался:

— Теперь она сама придёт.

Глава 1. Утро, которое ничего не обещало

Утро началось с запаха кофе и звука воды в ванной.

Алина проснулась не сразу. Сознание возвращалось слоями — сначала звуки, потом запахи, потом тепло одеяла и только в последнюю очередь — понимание, где ты и какой сегодня день. Сначала она услышала, как на кухне открывается и закрывается дверца шкафчика — с тем особым, привычным скрипом, на который в этом доме уже давно никто не обращал внимания. Потом ложка звякнула о край кружки — один раз, коротко, и ещё раз, когда её опустили в раковину. Потом кто-то босыми ногами прошёл по коридору — не крадучись, но и не особенно стараясь шуметь. Так ходят только свои. Те, кому не нужно представляться.

Она перевернулась на другой бок и почувствовала тёплую вмятину на простыне рядом с собой. Простыня ещё хранила тепло его тела, и это маленькое обстоятельство — пустое место, которое не успело остыть — всегда казалось Алине самым домашним из всех возможных утренних знаков.

Не открывая глаз, она улыбнулась.

— Ты уже встал? — спросила она хрипло, в ту самую секунду, когда воздух в лёгких ещё не совсем проснулся и голос звучал ниже обычного.

С кухни отозвался мужской голос — чуть насмешливый, чуть виноватый, такой, каким говорят, когда пойманы на месте преступления, но преступление это — приготовление завтрака.

— Уже почти герой, — сказал Данил. — Кофе сварил, завтрак почти не сжёл. Цени.

Алина всё-таки открыла глаза.

Спальня была залита мягким серым светом апрельского утра. За окном висело низкое небо — мутное, будто его протёрли грязной тряпкой, а потом забыли высушить. Ни просвета, ни намёка на солнце. Оно просто лежало на крышах и кронах деревьев тяжёлым, влажным одеялом, и даже сквозь окно чувствовалось, что воздух сегодня будет липким и сырым.

На подоконнике стоял небольшой горшок с розмарином — тот самый, который Алина упорно пыталась не убить уже третий месяц. Пока получалось плохо: ветки поникли, земля растрескалась, и только несколько самых стойких зелёных иголок продолжали цепляться за жизнь с упрямством, достойным лучшего применения. На стуле лежал вчерашний свитер мужа — тёмно-синий, мягкий, с затяжкой на рукаве, которую она всё собиралась зашить и всё откладывала. На полу — её книга, выпавшая ночью из рук. Томик современной прозы, который она читала уже вторую неделю, потому что времени хватало только на несколько страниц перед сном, а потом глаза закрывались сами.

Обычная жизнь.

Та самая, за которую никто не благодарит, пока она не начинает трещать по швам.

Алина села на кровати — медленно, с той утренней грацией, которая достаётся только тем, кто не торопится. Натянула на плечи халат: старый, махровый, когда-то персикового цвета, а теперь выцветший до неопределённого бежевого. Завязки не хватало с одной стороны, и приходилось каждый раз заново находить способ удержать ткань. Она его не выбрасывала по той же причине, по которой не выбрасывают старые фотографии: привыкла. И он пах домом.

На кухне что-то зашипело — так шипит масло на горячей сковороде, когда в него попадает вода. Потом Данил тихо выругался сквозь зубы, коротко и беззлобно, как человек, который злится на сковороду, а не на жизнь.

Алина улыбнулась шире и села на кровати.

— Я всё слышу! — крикнула она.

Голос сорвался на утреннюю хрипотцу, прозвучал глухо, но именно таким она себе нравилась — настоящим, без прикрас, без вечернего макияжа и укладки.

— Тогда иди спасать завтрак, — донеслось из кухни.

Она не спеша прошла по короткому коридору. Пол под ногами был холодным — деревянный, с щелями, которые сквозили по утрам, несмотря на все обещания риелтора при продаже. Стены были покрашены в тёплый, молочный оттенок, и на одной из них, почти у самого выхода на кухню, висела фотография в простой чёрной рамке: их с Данилом свадебный снимок, сделанный пять лет назад в кафе, где невеста была в джинсах, жених в растёгнутой рубашке, и оба смеялись так, что оператор едва успел поймать кадр.

Алина иногда останавливалась перед этой фотографией. Не чтобы что-то вспомнить — она помнила всё. А чтобы напомнить себе: человек, с которым она проснулась сегодня, не всегда был просто «мужем» в бытовом смысле. Когда-то он был тем, кто заставил её забыть, как дышать в одиночку.

Сегодня она прошла мимо, не остановившись.

Она остановилась в дверях кухни, прислонившись плечом к косяку, и просто смотрела.

Данил стоял к ней спиной у плиты. Домашние штаны — серые, с вытянутыми коленями, которые он категорически отказывался выбрасывать, потому что «в них удобно, Алин, что ты придираешься». Старая футболка с выцветшей надписью, которую давно пора было заменить на что-то, что не выглядит как одежда для покраски забора. Одной рукой он держал лопатку — пластмассовую, с оплавленным краем, — другой — кружку с кофе, чёрным, без сахара, таким крепким, что даже запах щипал глаза.

На столе уже лежали тосты — два ряда, аккуратно сложенные горкой, хотя никто их так не ест. Порезанное яблоко, почему-то дольками, хотя Алина предпочитала половинками. И тарелка с омлетом, который выглядел так, будто ещё чуть-чуть — и его можно будет считать не кулинарным достижением, а скорее геологической находкой.

Он старался.

Вот что она поняла давно. Данил старался всегда. Не эффектно, не с размахом, не так, чтобы выложить это в сториз с подписью «какой же он у меня». Нет. Он просто делал маленькие вещи, о которых многие забывают. Клад её телефон на зарядку, если замечал, что батарея на исходе. Покупал её любимый сыр без напоминания. Варил кофе по утрам, даже когда сам пил только растворимый.

И это — это было важнее любых подарков.

— Что это? — спросила Алина, входя на кухню и садясь за стол на свой обычный стул — тот, что ближе к окну.

— Попытка подкупа, — ответил Данил, не оборачиваясь. Голос звучал легко, но в нём была та особая нотка, которую Алина научилась распознавать за пять лет: что-то он сейчас скажет, и это «что-то» ей, скорее всего, не понравится.

— Подкуп с целью чего?

— С целью получить индульгенцию.

Она подняла бровь, хотя он этого не видел.

— Индульгенцию на что?

— Это муж, который уезжает на полдня и заранее зарабатывает себе право не отвечать на десять сообщений подряд.

Алина положила локти на стол и подперла подбородок ладонями.

— На полдня? — переспросила она.

Голос прозвучал ровно, но внутри что-то коротко щёлкнуло. Потому что вчера вечером, когда они лежали в кровати и Данил, уже сонный, обронил фразу про завтрашние планы, речь шла о паре часов. Максимум — трёх. И она уже мысленно отмерила это время: сколько успеет сделать по работе, потом посмотреть серию, потом приготовить что-то на ужин. Но «полдня» — это совсем другой масштаб. Это уже не вечер вместе. Это почти день порознь.

Данил выключил плиту, повернулся к ней, опираясь спиной о столешницу. У него были сложены руки на груди, и пальцы перебирали край футболки — нервная привычка, которую он сам в себе не замечал. Ему было тридцать, но выглядел он моложе, особенно по утрам, когда небритость делала его лицо не серьёзнее, а наоборот, почти мальчишеским. Тёмные волосы, вечно требующие стрижки, светлые глаза, которые на солнце казались серыми, а в тени — почти чёрными. И улыбка — быстрая, чуть виноватая, способная разоружить кого угодно.

В нём была та редкая для взрослых мужчин открытость, которая сначала кажется лёгкостью, граничащей с поверхностностью. Но потом выясняется — это просто честность. Алина любила в нём именно это. Данил не умел играть несколько ролей сразу. Не умел врать правдоподобно — у него всегда дергался уголок рта, когда он пытался. Не умел скрывать плохое настроение — оно проявлялось в молчании, тяжёлом, как влажный снег. Если радовался — это было видно по всему лицу, по тому, как он начинал говорить быстрее и жестиковать. Если злился — тоже.

И если что-то обещал, старался выполнить, даже когда обстоятельства кричали, что можно и не стараться.

— Заеду по пути ещё в одно место, — сказал Данил.

Вот оно.

— В какое? — спросила она, стараясь, чтобы вопрос прозвучал нейтрально.

— Да так... недалеко от города. Встретиться с одним человеком, забрать кое-что.

— Что?

— Документы.

Пауза.

Какое-то мгновение они смотрели друг на друга через разделявшие их два метра кухонного пространства. На столе остывали тосты, за окном моросил дождь, и вентиляция над плитой тихо гудела, перемалывая запах жареного масла.

— Быстро, — добавил Данил, словно почувствовал, что пауза затянулась. — Максимум к вечеру вернусь.

— «К вечеру» — это мужской диапазон от шести вечера до полуночи.

— Клянусь, раньше.

Он поставил кружку на столешницу, подошёл к ней и обнял за талию — легко, привычно, как делал это десятки раз, проходя мимо. Не всегда — танец, не театр. Просто жест. Просто способ сказать «я здесь» без слов.

Алина уткнулась лбом ему в плечо. От него пахло гелем для душа — чем-то цитрусовым, свежим, утренним. Кофе — горьковатым, глубоким. И чем-то ещё — очень домашним, неуловимым, что нельзя было купить ни в одном магазине. Запахом человека, с которым спишь в одной кровати, ешь из одной тарелки, ссоришься из-за грязных носков и миришься за десять минут.

— Мне не нравится эта погода, — сказала она в ткань его футболки.

— Это просто небо. Оно не строит против нас заговор.

— Ты слишком уверен для человека, который собирается ехать по трассе в апреле.

— Трасса тоже не строит против нас заговор.

Она отстранилась — ровно настолько, чтобы посмотреть ему в лицо. И посмотрела прищурившись, тем особенным взглядом, который Данил называл «рентгеновским» и которого побаивался даже спустя пять лет брака.

— Ты сейчас из тех людей, которые умирают первыми в фильмах, потому что не верят в тревожные сигналы.

— А ты из тех, кто пугается скрипящей двери и потом оказывается права.

— Именно.

Он засмеялся.

Это был настоящий смех — громкий, открытый, с хрипотцой, вырывающийся из груди, как что-то живое. И когда он смеялся так, Алина всегда улыбалась в ответ, даже если не хотела. Потому что невозможно было оставаться серьёзной рядом с человеком, который смеётся над миром с такой лёгкостью.

Он наклонился и поцеловал её в висок. Коротко, невесомо, но так — с вниманием, с остановкой на долю секунды дольше, чем нужно. Словно у этого простого жеста был вес.

Они сели за стол.

За окном по стеклу поползли первые капли дождя. Не ливень, не тот драматический, кинематографичный дождь, под которым люди бегут по лужам и теряют шляпы. Нет. Мелкая, упрямая морось — такая, которая не даёт промокнуть до нитки, но пропитывает всё вокруг сыростью, как плохое настроение. От неё город всегда становился тусклее и старше. Краска на скамейках казалась выцветшей. Реклама на остановках — ненужной. Лица прохожих — уставшими.

Данил ел быстро, почти не жуя. Одной рукой он управлялся с вилкой, другой — то и дело подносил ко рту кружку с кофе, и Алина заметила, как его взгляд время от времени уходит в сторону, туда, где на краю стола лежал телефон. Экран вспыхивал каждые несколько минут — сообщения, уведомления, что-то рабочее или не очень.

Она смотрела на него и чувствовала: что-то не так.

Не катастрофа. Не трагедия. Даже не тревога. Просто — не так. Как будто в знакомой мелодии сыграли одну ноту выше, и ты не можешь объяснить, что именно изменилось, но уже знаешь — что-то изменилось.

— Что? — спросила она.

— Ничего, — ответил Данил, не поднимая глаз.

— Даня.

Он вздохнул — глубоко, с тем особенным звуком, который бывает, когда человек собирается с мыслями или с духом.

— Просто не хочу опоздать.

— К кому?

И вот тут — на секунду — он замялся.

Этой секунды хватило. Хватило, чтобы внутри Алины что-то едва слышно щёлкнуло. Не больно, не страшно. Просто — щёлкнуло. Как замок, который не до конца закрылся. Как дверь, которую кто-то приоткрыл, а ты не заметил, и теперь сквозняк холодит спину.

— Да обычная встреча, — сказал он наконец, и голос его звучал уже иначе — небрежно, с лёгким оттенком защитной неопределённости. — Сначала по работе, потом заеду к одному человеку. Нужно кое-что забрать.

— Что забрать?

— Документы.

— У кого?

Данил поднял на неё взгляд. Серые глаза — сейчас, при дневном свете, скорее тёмные — смотрели открыто, но в этой открытости было что-то отрепетированное. Как будто он знал, что она спросит именно это, и приготовил ответ заранее.

Он улыбнулся.

Слишком быстро. Слишком гладко.

Слишком.

— Алина, это допрос?

— Пока нет. Но ты на пути к нему.

Он потянулся через стол и накрыл её пальцы своей рукой. Ладонь у него была тёплая, сухая, с мозолями на указательном и среднем — от ручек и от того, что он вечно что-то крутил

в руках, даже когда сидел перед экраном. Крупные пальцы, коротко стриженные ногти. Знакомая до мельчайших линий рука, которую она держала в своих сотни раз.

— Всё нормально. Правда. Ничего важного, просто суета. Вернусь — расскажу.

Обычно ей хватало этой фразы.

«Вернусь — расскажу» было их семейным кодом, означавшим: «Я не скрываю от тебя ничего существенного, просто сейчас нет времени или сил вдаваться в детали». И раньше Алина кивала, принимала это как факт — потому что в их отношениях не было места тайнам. По крайней мере, она так думала.

Сегодня почему-то не хватило.

Но она не стала продолжать.

Не потому, что испугалась. Не потому, что поверила. А потому, что ей не хотелось превращать утро в липкую бытовую ссору, где никто не виноват, но осадок остаётся на весь день. Кофе остынет, тосты станут резиновыми, Данил уедет злым, и эти часы разлуки превратятся в долгие, тяжёлые часы, где вместо покоя будет раздражение и чувство недосказанности.

Она не хотела себе этого.

Вместо этого Алина просто кивнула и убрала руку — медленно, без резкости, будто поправляла кружку, которая стояла рядом. Но Данил всё равно заметил. Конечно, заметил. Он вообще всегда чувствовал её настроение быстрее, чем она успевала подобрать к нему слова.

— Эй, — тихо сказал он. — Не начинай.

— Я и не начинаю.

— Вот именно так ты всегда и начинаешь.

Она усмехнулась — коротко, без тепла, но и без злости. Просто чтобы показать: она не злится. Она просто... не знает. Не знает, что с этим делать.

Данил посмотрел на неё ещё секунду, потом вернулся к омлету.

Дождь за окном усилился.

Через двадцать минут он уже одевался в прихожей.

За это короткое время Алина успела убрать со стола, вымыть тарелки и кружки (не доверяя посудомойке, которую Данил вечно загружал неправильно), собрать с пола книгу, застелить кровать и дважды проверить телефон — хотя никто не звонил и не писал.

В прихожей было тесно. Вешалка ломилась от курток, на полу валялась пара обуви, которую давно пора было выкинуть в мусор, и стоял зонт — тот самый, сломанный, с торчащей спицей, о который Данил каждый раз спотыкался и каждый раз обещал «на днях починить». Алина прислонилась плечом к стене, скрестила руки на груди и наблюдала за сборами.

Данил суетился. Искал ключи — хотя они висели на крючке, прямо перед носом. Проверил телефон — дважды, словно боялся, что тот исчез. Перебирал бумажник — вынул карту, положил обратно, снова вынул. Затем поднял с тумбочки какую-то папку с документами — тёмно-синюю, плотную, с толстыми гранками внутри — и прижал её под мышку, как футбольный мяч.

Он собирался быстро — слишком быстро для человека, который говорил про «полдня». Он собирался как человек, который мыслями уже на полдороге, тело просто догоняет.

— Возьми зонт, — сказала Алина.

— Он сломан, — ответил Данил, не поднимая головы. Он натягивал кроссовки — те самые, с грязными шнурками, которые она предлагала выбросить уже раз десять.

— Тогда мой.

— Твой розовый, с кошками? Никогда.

— Значит, промокнешь как взрослый мужчина.

Он натянул на себя куртку — тёмно-оливковую, на молнии, с высоким воротником, который придавал ему вид то ли журналиста в командировке, то ли шпиона на отдыхе. Алина

не знала, зачем ему такой воротник, но помнила, как он радовался этой куртке в магазине: «Смотри, как удобно, можно поднять и вообще никого не видно». Она называла её «курткой-невидимкой».

— Справлюсь, — сказал он теперь и усмехнулся.

Потом подошёл к ней.

Алина уже знала, что будет дальше — этот вечерний ритуал, перенесённый на утро. Он подойдёт вплотную, слегка наклонится, потому что она чуть ниже, и поцелует. Нежно, но быстро, чтобы не задерживать. И скажет что-то вроде «скоро буду».

Так и случилось.

Почти.

Он поцеловал её — коротко, но так, как целуют не на автомате, а с вниманием. Губы коснулись её губ, задержались на долю секунды дольше, чем обычно. А потом он отстранился и посмотрел ей в глаза.

— Я наберу, как доеду, — сказал он.

— Обязательно.

— И когда поеду обратно.

— Тоже обязательно.

— И если задержусь.

— Данил.

— Что?

— Просто не пропадай.

Он посмотрел на неё чуть дольше, чем нужно. В его взгляде было что-то, чего она не смогла прочесть. Не тревога — он никогда не тревожился перед дорогой. Не вина — он не чувствовал себя виноватым. Что-то другое. Какая-то мысль, которую он не произнёс вслух, но которая висела в воздухе между ними, как задержавшееся дыхание.

— Не пропаду, — сказал он наконец.

Дверь закрылась.

Алина ещё несколько секунд стояла в прихожей, глядя на тёмное дерево двери, будто могла увидеть сквозь него, как он нажимает кнопку лифта, как спускается вниз, как выходит под дождь. Она смотрела на закрытую дверь и чувствовала, как в груди разрастается что-то тяжёлое, что-то, чему она не знала названия.

Не страх. Не тоска. Предчувствие.

Но она прогнала его, как прогоняют утром нелепую мысль, за которую потом будет стыдно. Заварила себе чай (кофе она пила только один раз по утрам, это было правилом), села за ноутбук и попыталась погрузиться в работу.

День шёл вязко.

Сначала она отвечала на письма — короткие, деловые, в которых ни одного живого слова. Три клиента подтвердили встречи, один перенёс на следующую неделю, ещё один прислал счёт с ошибкой, которую пришлось перепроверять трижды. Потом она зачем-то разобрала папку на рабочем столе: сортировала файлы, переименовывала, удаляла то, что не понадобится никогда. Потом прочла новость о повышении налогов дважды — не потому, что не поняла, а потому, что не могла заставить себя сосредоточиться. Потом вспомнила про бельё в машинке — оно отстиралось уже час назад и теперь ждало, когда его переложат в сушку, холодное и скомканное.

Потом она снова села за ноутбук и поняла, что уже третий раз перечитывает один и тот же абзац в рабочем документе.

«С учётом изложенных выше факторов, целесообразно пересмотреть подход к формированию бюджета на второй квартал...»

Она смотрела на эти слова и не видела их. Вместо них перед глазами стояла дверь, которая закрылась. И взгляд Данила — тот, последний, который она не смогла прочесть.

В квартире было слишком тихо.

Не та тишина, которая бывает, когда наслаждаешься одиночеством. И не та, в которой можно работать. Другая. Выжидательная. Тишина пустого пространства, где на одного человека больше воздуха, чем нужно, и этот лишний воздух давит на уши.

Алина встала, подошла к окну.

Дождь не закончился. Он только сменил характер: стал ровнее, холоднее, как фон, от которого нельзя избавиться. Капли текли по стеклу, искажая вид на двор, на мокрый асфальт, на редких прохожих, которые спешили под козырьки подъездов, как подраненные звери в норы.

Она сварила себе ещё кофе — уже второй за день, нарушив правило. Заварила в турке, на медленном огне, следя, как тёмная пенка поднимается и вот-вот перельётся через край. Кофе пах горечью и кардамоном — Данил любил добавлять кардамон, и она привыкла.

Потом она подошла к окну с кружкой в руке и набрала его сама.

Телефон пиликнул один раз, второй.

И потом — женский голос, ровный, механический, не обещающий ничего хорошего:

«Абонент временно недоступен. Пожалуйста, перезвоните позже».

Алина опустила телефон, посмотрела на экран. Четыре пропущенных вызова — нет, это было раньше. Один. Один только что.

«Абонент временно недоступен».

Она набрала снова.

То же самое.

— Да брось, — сказала она вслух, и голос в пустой кухне прозвучал чуждо, слишком громко. — Просто трасса. Просто связь плохая.

Через десять минут телефон коротко завибрировал.

Данил.

Она схватила его так быстро, что едва не выронила, и нажала на зелёную кнопку, даже не глядя на экран.

— Да? — сказала она, и в голосе прозвучало больше облегчения, чем ей хотелось бы.

В трубке слышался ветер. Не тот, домашний, который шуршит за окном, а открытый, полевой — упругий, сырой, бьющий в микрофон с разной силой, как пульс. Проезжающие машины — редкие, одна за другой, с характерным шумом шин по мокрому асфальту. И какой-то глухой металлический звук, повторяющийся через равные промежутки. Будто что-то ударило о что-то железное.

— Всё нормально, — сказал Данил. Громче обычного, перебивая ветер. — Я на трассе. Вернее, уже почти не на трассе.

Алина выпрямилась.

— Это что значит?

— Это значит, что у меня идеальный день. Колесо пробил.

Она закрыла глаза.

Вот оно.

Она не знала, почему эта новость — простая, бытовая, не страшнее прокушенной шины — ударила её под дых. Может быть, потому что в её картине мира все крупные неприятности начинались именно так: с мелочи. С колеса, которое пробито. С поломки в самый неподходящий момент. С того, что «ничего страшного, сейчас всё починю», после которого следовало то, что уже не починишь.

— Серьёзно? — спросила она, и голос дрогнул на последнем слог.

— Угу. Не страшно. Сейчас поставлю запаску.

— Где ты вообще?

— Да тут... за городом уже. Навигатор повёл какой-то короткой дорогой, я решил ему довериться, как идиот.

Снова металлический звук. Тяжёлый. Утробный. Будто он открыл багажник или бросил на асфальт инструмент — домкрат, баллонник, что-то, что может издавать такой глухой, резонирующий шум.

— Дождь сильный? — спросила она.

— Терпимо.

— Может, вызвать кого-то?

Данил засмеялся — коротко, без юмора, одним выдохом.

— Кого? Армию? Не надо. Десять минут, и поеду дальше.

Повисла пауза. В трубке шумел ветер и что-то ещё — сомнение, не сказанное вслух.

— Ты один? — спросила Алина.

— Конечно.

Ответ прозвучал сразу. Слишком сразу.

Алина выпрямилась всем телом, так резко, что кружка на столе чуть не опрокинулась. Её пальцы сжали телефон так сильно, что заболели суставы.

— Даня.

— Ну что ещё?

— Ничего. Просто... будь осторожен.

На той стороне повисла тишина. Не та, электрическая, которая бывает при плохой связи, а живая — та, в которой кто-то думает, колеблется, не знает, что сказать.

А потом он заговорил мягче. Гораздо мягче. Теплее. Так говорят, когда вдруг понимают, что человек на другом конце провода не просто так задаёт вопросы, а потому что боится. Потому что любит. Потому что без него — холодно.

— Всё будет хорошо, — сказал Данил. — Я тебе перезвоню, как только закончу.

Послышался скрип. Будто он присел или наклонился. Может быть, опустился на корточки перед колесом. Может быть, полез под машину.

— Данил? — позвала она.

— Да, я здесь.

— С тобой точно всё в порядке? — вопрос вырвался сам, без разрешения.

Пауза.

Короткая.

И потом — звук.

Что-то резко треснуло.

Не звук удара. Не крик. Не визг тормозов. Что-то другое — короткое, чужое, какое-то механическое, сухое, как если бы телефон выскользнул из мокрых пальцев, ударился о металл, или связь на секунду прорезал сильный помехой шорох.

А может быть, это был просто домкрат, который соскользнул. Или баллонник, упавший на асфальт.

А может быть, нет.

После этого — тишина.

Не та тишина, где слышно дыхание. Не та, где можно ждать. А полная, глухая, мёртвая. Как если бы кто-то выключил звук на пульте.

— Алло? — сказала Алина в пустоту.

Ничего.

— Данил?

Вместо ответа — только рваное шипение. Помехи. Белый шум, который ни на что не похож и напоминает всё сразу: ветер в проводах, статическое электричество, дыхание зверя в темноте.

А потом — короткий механический щелчок.

Звонок оборвался.

Алина медленно опустила телефон.

Секунду она стояла неподвижно. Не дышала. Не моргала. Просто стояла посреди кухни, в своём старом халате, босиком на холодном полу, с кружкой остывшего кофе на столе и ноутбуком, на котором застыл рабочий документ с дурацким абзацем про бюджет на второй квартал.

Она убеждала себя.

Это просто связь. Просто дождь. Просто трасса, где всегда плохо ловит. И домкрат — да, точно, это просто домкрат соскользнул. Он бывалый, он справится. Он обещал перезвонить.

Она снова набрала номер.

«Абонент временно недоступен».

Ещё раз.

«Абонент временно недоступен».

В прихожей капала вода из плохо закрытого крана в ванной. Алина слышала каждую каплю — отчётливо, как удары метронома. Кап-кап-кап. Размеренно. Бесконечно.

Она прошла в спальню, села на край кровати, всё ещё сжимая телефон в руке. Посмотрела на смятую простыню, на пустую подушку рядом, на след его головы — едва заметную вмятину, которая скоро исчезнет.

Она ждала.

Десять минут.

Двадцать.

Полчаса.

Ни звонка. Ни сообщения. Ничего.

Алина встала, подошла к окну. Дождь не прекращался. Он только становился гуще, тяжелее, будто небо набиралось сил для чего-то большего, чем просто непогода.

И именно в эту секунду — ещё ничего не зная наверняка, не имея ни одного доказательства, кроме оборванного звонка и странного треска на том конце — Алина впервые по-настоящему испугалась.

Не так, как пугаются громкого звука или неожиданной новости.

А так, как пугаются, когда тишина в доме становится тяжелее, чем крик. Когда чувствуешь, что мир только что треснул где-то посередине, и ты не знаешь, с какой стороны трещины теперь находишься.

Она сжала телефон в ладони и сказала вслух — тихо, почти шёпотом:

— Где ты?

Вопрос повис в пустой комнате, как брошенный в колодец камень, от которого не дождалась всплеска.

Глава 2. Последняя точка

Первые пять минут Алина заставляла себя не паниковать.

Это было похоже на попытку удержать под водой большой, упрямый мяч — чем сильнее она давила, тем яростнее он рвался на поверхность. Паника жила где-то в груди, в том самом месте, где обычно теплилось спокойствие, и разрасталась с каждой секундой молчания.

Она положила телефон экраном вниз на стол — лицом к деревянной поверхности, словно так ей не придётся видеть отсутствие пропущенных вызовов и новых сообщений. Беспольный жест. Рука потянулась к нему снова через десять секунд.

Она набрала Данила ещё раз.

«Абонент временно недоступен».

Голос в трубке был всё тот же — механический, безразличный, вежливый в своей безжизненности. Алина сбросила вызов и почувствовала, как холод поднимается от пальцев к запястьям. Она пошла на кухню налить воды, хотя пить не хотелось. стакан из-под утреннего сока стоял на сушке, она наполнила его из фильтра, поднесла к губам — и едва не выплюнула обратно. Вода оказалась ледяной. Зубы свело, горло сжалось, и она поставила стакан обратно на столешницу, почти не пригубив.

На стекле остался её собственный отпечаток пальца — размытый, неровный, похожий на след от испуга.

Ничего страшного не произошло, — сказала она себе.

Громко, вслух, как заклинание.

Телефон мог упасть в лужу. Мог выскользнуть из мокрых пальцев и удариться о бордюр. Сеть за городом всегда работает хуже — особенно в дождь, особенно в апреле, особенно когда торопишься и нервничаешь. Он мог просто выругаться, бросить всё в багажник и уехать туда, где связь ловит хуже, чем в полях. А потом, через полчаса, когда руки отойдут от грязного домкрата, он перезвонит и скажет раздражённо: «Ну что ты начинаешь? Полчаса не прошло, а ты уже панику развела».

Нормальная мысль.

Правильная.

Здоровая.

Алина повторила её ещё раз — уже шёпотом, глядя на свои пальцы, которые всё ещё сжимали телефон.

Не помогло.

Она подошла к окну. Двор внизу был серым, мокрым и абсолютно безразличным к чьей-то частной тревоге. Женщина с коляской — та самая, которая живёт на первом этаже и всегда здоровается первой — осторожно объезжала лужу, везя перед собой ребёнка, укутанного в розовый конверт. Подросток в чёрном капюшоне перебежал к подъезду, прижимая к груди рюкзак, из наушников доносился глухой, пульсирующий бас. У кого-то на балконе на пятом этаже хлопало мокрое полотенце, забытое на ночь. Сосед снизу, наверное, опять курил на лестничной клетке — запах тянуло сквозь неплотно прикрытую форточку.

Всё вокруг выглядело настолько обычным, её страх на этом фоне казался почти неприличным. Как громкий крик в библиотеке. Как слёзы на детском празднике.

Телефон молчал.

Через семь минут она позвонила снова.

Потом ещё раз.

Потом открыла мессенджер и увидела, что последнее сообщение от Данила было прочитано в 8:47 утра. Две маленькие синие галочки, говорящие о том, что он видел её вчерашнее «Спокойной ночи» и короткое сердечко в ответ. Никаких новых отметок, никакого «в сети»,

никакой зелёной точки, никакой мелочи, за которую можно зацепиться и успокоиться. Только холодная запись: «был(а) давно».

Алина быстро набрала:

«Ты где?»

Отправилось.

Серая галочка — значит, не доставлено.

Она нажала ещё раз.

«Перезвони».

Снова серая.

Потом ещё одно, уже короче, уже почти детское в своей беспомощности:

«Даня».

Она смотрела на экран так, будто слова могли вызвать его одним фактом своего существования. Будто если написать имя достаточно отчётливо, оно материализует голос, тепло, запах кофе и цитрусового геля для душа.

Ничего.

В висках начала пульсировать тонкая, неприятная боль — та самая, которая всегда приходила к ней в моменты, когда мир переставал подчиняться правилам. Когда что-то важное выпадало из-под контроля, а она не могла это контролировать, потому что даже не понимала, что именно пошло не так.

Алина прошла по квартире. Из кухни в спальню, из спальни в прихожую, из прихожей обратно. Пол под ногами был холодным, она давно потеряла тапки — где-то под кроватью, наверное, или в ванной. Босые ступни оставляли влажные следы на дереве, и она машинально отмечала это, хотя мысли были далеко.

Она вернулась на кухню, села за стол. Встала. Проверила входную дверь — зачем-то покрутила ручку, убедилась, что замок закрыт. Снова взяла телефон. Открыла контакт Данила. Закрыла. Открыла снова.

И тогда впервые подумала о геолокации.

Они включили доступ друг к другу ещё год назад — без драм, без проверок, без тех тяжёлых разговоров, которыми обычно сопровождается «ты что, мне не доверяешь?». Всё было проще: Данил забыл телефон в машине, она не могла дозвониться, он вернулся через сорок минут и сказал: «Слушай, а давай включим эту фигню? Чтобы если я опять забуду, ты видела, где я, и не парилась».

Тогда это казалось обычной частью близости. Маленькой современной бытовой страховкой, которой не придаёшь значения, пока однажды не начинаешь смотреть на мигающую точку на карте как на последнюю нитку, связывающую тебя с человеком.

Алина открыла приложение.

Карта загружалась слишком медленно — секунды растягивались в тяжёлые, вязкие минуты. Белый экран, крутящийся значок загрузки, и пустота. Она задержала дыхание, сама не заметив, как.

Потом экран наконец ожил.

Точка Данила не двигалась.

Она находилась далеко за городом — не просто на трассе, а где-то в стороне от основных дорог, там, где карта становилась бледнее, а названия улиц исчезали, уступая место пустым зелёным пятнам без подписей. Никакого населённого пункта рядом. Ни заправки, ни кафе, ни даже остановки. Только тонкая, едва различимая линия дороги, уходящая вглубь частного сектора или старых загородных участков, и разрозненные серые прямоугольники, обозначающие строения.

Место выглядело так, будто туда не попадают случайно.

Алина приблизила карту — два пальца, растянуть, ещё раз, ещё.

Точка стояла на одном месте уже двадцать три минуты.

Сердце ударило где-то в горле — тяжело, глухо, сбивая ритм дыхания.

— Нет, — тихо сказала она вслух, сама не зная, кому именно возражает. Миру. Себе. Этой неподвижной, упрямой точке на экране.

Она нажала «построить маршрут».

Навигатор подумал секунду — и проложил путь почти на час.

Час езды.

Час.

Алина смотрела на цифры, и каждая из них казалась насмешкой. Если Данил просто меняет колесо, он уже должен был закончить. Если колесо не поддаётся, он бы позвонил в эвакуатор или написал ей — даже раздражённое: «Всё, этот день к чёрту». Если телефон выпал или разрядился, его машина всё равно не могла стоять неподвижно так долго на пустынной дороге. Если бы он уехал, точка сдвинулась бы. Если бы он зашёл куда-то по пути — в магазин, в кафе, в чужой дом, — он написал бы. Хотя бы коротко. Хотя бы смайлик. Хотя бы одно слово, чтобы она не волновалась.

Но он молчал.

Сорок три минуты, если считать с момента того странного треска в трубке.

Четыре вызова, ни один не прошёл.

И точка, которая не двигалась.

Алина резко нажала на вызов — уже не думая, просто подчиняясь животному импульсу.

На этот раз телефон повёл себя иначе.

Не длинные гудки. Не «абонент недоступен». Что-то среднее — короткий, почти моментальный сброс, будто кто-то нажал «отбой» прежде, чем соединение успело установиться.

Она уставилась на экран.

Позвонила снова.

То же самое.

Сброс.

Не связь. Не сеть. Кто-то специально сбрасывал вызовы.

По спине пробежал холодок — такой отчётливый, будто по позвоночнику провели мокрым пальцем. Алина физически ощутила, как волосы на руках встают дыбом, а в животе сворачивается тяжёлый, ледяной ком.

Она открыла контакт «Данил» ещё раз — будто в номере могла внезапно появиться разгадка всей этой странной, необъяснимой ситуации. Потом, не особенно думая, пролистала ниже и нажала на номер Максима.

Максим был старым другом Данила — тем самым, с которым они вместе начинали работать много лет назад, потом разбегались, потом снова пересекались, потом расходились по разным проектам, но всегда оставались в контакте. Алина не любила его. Не то чтобы он был плохим человеком — нет. Просто слишком громким, слишком уверенным в своей правоте, слишком любящим давать советы, когда их не просили. Но в данном случае он был единственным, кто мог знать, куда именно поехал Данил.

Телефон пиликнул один раз, потом второй. Длинные гудки. Потом — щелчок, и сонный, недовольный голос:

— Да?

— Максим, привет, — сказала Алина. Собственный голос прозвучал слишком высоко, слишком быстро, и она почувствовала это, но не могла ничего с собой поделать. — Извини, что разбудила.

— Да не, я уже вставал, — соврал он. В его голосе сквозило раздражение, которое он даже не пытался скрыть. — Что-то случилось?

— Данил с тобой?

Короткая пауза.

— Нет. А должен?

Алина закрыла глаза. Это был тот самый момент, когда надежда — глупая, иррациональная надежда — рассыпается, как карточный домик. Она ещё не знала, что делать с пустотой, которая осталась после неё.

— Он сказал, что поедет по делам, — объяснила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Сначала по работе, потом в какое-то место. Не уточнил, куда именно. Потом... он звонил мне. Сказал, что пробил колесо, что стоит на трассе. Мы разговаривали, и вдруг звонок оборвался. Сейчас телефон не отвечает.

— Может, связь?

— Я пробовала несколько раз. Последний вызов сбросили.

— Сбросили?

Теперь и в его голосе появились новые нотки — не тревога, нет. Максим вообще казался человеком, который не тревожится ни о чём, кроме своего бизнеса. Но любопытство. Лёгкое, профессиональное любопытство.

— Геолокация показывает, что он стоит на одном месте уже больше получаса, — добавила Алина. — Я сбросила тебе в мессенджер скриншот.

Максим вздохнул — тяжело, с той особенной интонацией, которой взрослые разговаривают с детьми, набедокурившими, но не до конца осознающими свою глупость.

— Али, ну послушай, — сказал он. — Может, он просто уехал куда-то, где нет связи. Или телефон сел. Или он его уронил, пока колесо менял, и разбил экран. Ты же знаешь этого идиота — он вечно всё теряет.

— Он не идиот, — отрезала Алина.

— Я фигурально.

— И он всегда перезванивает. Всегда.

В трубке повисла тишина — такая плотная, что Алина услышала, как Максим на том конце мнётся, подбирает слова.

— Слушай, — сказал он наконец. — Я не хочу, чтобы ты накручивала себя раньше времени. Давай так: подожди ещё пару часов. Если он не объявится — я сам позвоню, куда надо. У него есть клиенты за городом, может, он просто заехал к кому-то и забыл про телефон.

— Забыл про телефон? — переспросила Алина, и в голосе прорезалась горечь. — Данил? Тот, кто проверяет уведомления каждые десять минут?

Максим снова вздохнул.

— Ну что ты хочешь, чтобы я сказал? Что он в беде? Что мы должны ехать искать его по карте? Ты же сама не знаешь, что произошло. Может, ничего и не произошло.

Алина прижала телефон к уху так сильно, что пластик вдавился в кожу.

— Спасибо, Максим, — сказала она тихо. — Ты очень помог.

— Алин, не надо...

Она сбросила звонок.

Злость — горячая, колючая — накрыла её с головой. Не на Максима, нет. На себя. За то, что позвонила тому, кто не способен понять. За то, что вообще позвонила кому-то, вместо того чтобы действовать.

Она стояла посреди комнаты, сжимая телефон обеими руками, и смотрела на свои босые ноги, на край халата, на выпавшую из-под кровати книгу, которую так и не убрала. Внутри всё сопротивлялось одному простому решению, потому что как только ты его принимаешь, тревога превращается в действие, а значит, становится настоящей. Перестает быть фантазией. Перестает быть «может, мне показалось».

Поехать самой.

Проверить.

Не ждать.

Она снова посмотрела на карту. Точка Данила чуть дрогнула — или это зарябило в глазах от напряжения? Или сеть подтормаживала? Или приложение обновляло координаты? Она не могла понять. Через секунду точка застыла на прежнем месте, как ни в чём не бывало.

Сейчас.

Сейчас или никогда.

Алина бросилась в прихожую, разрывая завязки халата на ходу.

Дальше всё происходило в каком-то смазанном, ускоренном темпе, будто кто-то включил кино на полуторной скорости. Она натягивала джинсы — те самые, вчерашние, ещё чуть влажные после стирки — и чувствовала, как холодная ткань липнет к ногам. Искала носки, не нашла, плюнула, надела кроссовки на босу ногу. Кинулась к вешалке, сорвала с крючка первую попавшуюся куртку — оказалось, что Данилову, тёмно-оливковую, его любимую, с высоким воротником. Она на секунду замерла, вдохнула запах, который остался на вороте — его запах, знакомый до боли.

Потом сунула руки в рукава, застегнула молнию и продолжила.

Ключи от машины лежали не там, где обычно, — она перерыла сумку, проверила карманы куртки, заглянула в коридорную тумбу, где вообще никогда не было ключей. Нашла в конце концов в кармане джинсов, которые носила три дня назад. Зарядку долго искала в спальне — потом поняла, что она всё это время лежала в сумке, куда она положила её вчера вечером.

Пальцы дрожали. Каждое движение давалось с трудом, будто кто-то налил ей в руки свинец. Она вернулась на кухню, схватила со стола бутылку воды — минералку, которую открывала вчера и не допила — сунула её в сумку, потом зачем-то вытащила и поставила обратно, потом снова достала. Потом, сама не зная зачем, взяла с полки в прихожей перцовый баллончик — маленький, в чёрном пластиковом корпусе, купленный когда-то после вечерней смены, когда она шла от метро и кто-то долго шёл за ней следом. Ни разу не использованный, почти забытый.

Она сунула его в карман куртки.

И только в лифте, когда двери закрылись и кабина медленно поползла вниз, Алина заметила, что всё ещё в домашних серьгах — маленьких серебряных кольцах, которые она никогда не снимала на ночь. И что на лице не было никакой косметики, даже тонального крема, только утренний крем, который вёлся в кожу ещё в восемь утра.

Она посмотрела на своё отражение в зеркальной стене лифта — бледное лицо, растрёпанные волосы, глаза, в которых уже поселился тот самый страх, который она пыталась прогнать. И подумала: «Какая разница?»

На парковке было сыро и ветрено.

Дождь стал мельче, но злее: не лил сверху сплошной стеной, а будто летел со всех сторон сразу, закрученный порывами ветра. Капли били в лицо холодными, острыми уколами. Алина пригнула голову, добежала до своей машины — старой, но надёжной «Хонды», которую они купили два года назад на сэкономленные деньги — и только когда села за руль и захлопнула дверь, позволила себе выдохнуть.

Она сжала руль.

Кожа обивки была холодной и скользкой от влаги, которую она принесла с собой на ладонях. Двигатель молчал. В салоне пахло пылью, старым кофе и тем особенным, неуловимым запахом, который появляется в машине, когда долго не проветриваешь.

Сейчас ещё можно было вернуться.

Подождать.

Не превращать плохую связь в трагедию.

Алина посмотрела на телефон, пристёгнутый к держателю на панели. Карта всё ещё была открыта. Точка Данила — неподвижная, упрямая, пугающая в своей статичности — смотрела на неё с экрана.

«Может, он просто уехал куда-то, где нет связи», — сказал Максим.

«Может, ничего и не произошло».

Она знала, что это неправда.

Не потому, что у неё было доказательство. А потому, что всё внутри неё — каждая клетка, каждый нерв, каждый вздох — кричало об обратном.

Алина завела двигатель.

Навигатор повёл её сначала по знакомым улицам — мимо супермаркета, где они с Данилом часто покупали продукты по выходным, мимо парка, где гуляли в прошлое воскресенье, мимо школы, мимо старой аптеки с облупившейся вывеской. Город казался чужим сегодня — серым, вымокшим, притихшим. Людей на улицах почти не было, только редкие машины, фары которых отражались в мокром асфальте дрожащими жёлтыми бликами.

Потом начался выезд.

Трасса была пустой. Тяжёлые, влажные тучи висели так низко, что казалось — можно протянуть руку и коснуться их. Фуры шли с медленным, тяжёлым шорохом шин, оставляя за собой облака водяной пыли. Редкие заправки мелькали на обочинах — яркие пятна в сером дне, островки света и тепла, которые Алина проезжала, даже не сбавляя скорости.

Она ехала быстрее, чем любила — сто двадцать на спидометре, хотя дождь и мокрая дорога требовали осторожности. В другое время она бы себя остановила. Сейчас ей было всё равно.

Каждые несколько минут она бросала взгляд на телефон, пристёгнутый к панели.

Точка Данила была на месте.

Неподвижная.

Терпеливая.

Как будто ждала её.

Сорок минут спустя трасса осталась позади.

Навигатор голосом — ровным, механическим, пугающе спокойным — скомандовал свернуть направо, на узкую дорогу без разметки, без освещения, без каких-либо признаков жизни. Асфальт здесь был старым, трещиноватым, кое-где проросшим травой. По обочинам тянулись мокрые деревья — голые ветви, похожие на переплетённые пальцы, чёрные стволы, покрытые мхом. За ними угадывались старые дачные заборы — покосившиеся, деревянные, с табличками «Собака» и «Осторожно, частная собственность». Кое-где среди деревьев темнели заброшенные дома с заколоченными окнами и крышами, просевшими под тяжестью дождей.

Сигнал сети то падал, то возвращался — нестабильный, слабый, будто невидимые стены давили на него со всех сторон. Карта на телефоне подтормаживала, перерисовывалась с задержкой. Алина поняла, что если потеряет соединение сейчас, то останется здесь без навигации, без карты, без связи.

Она сжала руль крепче.

Серый день медленно стекал в ранние сумерки, хотя до вечера было ещё далеко. Небо стало не просто серым — оно сделалось тяжёлым, почти свинцовым, будто налилось чем-то густым и непрозрачным. Воздух пах мокрой землёй, прелыми листьями и ещё чем-то — сладковатым, чуждым, заставляющим ноздри раздуваться.

Алина набрала Данила ещё раз — двадцатый, тридцатый, она уже сбилась со счёта.

На этот раз пошли длинные гудки.

Она резко выпрямилась, впилась взглядом в экран, словно могла увидеть сквозь него, как телефон Данила вибрирует где-то в темноте, как загорается его экран.

Один гудок.

Второй.

Третий.

— Давай, — прошептала она. — Возьми трубку. Пожалуйста.

Четвёртый.

Пятый.

И потом — резко, на середине шестого — связь оборвалась.

Не «абонент недоступен». Не «линия занята». Просто тишина, и зелёная кнопка вызова на экране снова стала активной, как будто звонка и не было.

Алина почти закричала от бессилия.

Она ударила ладонью по рулю — раз, второй, не больно, просто чтобы выпустить то, что душило изнутри. Резина обивки глухо всхлипнула под её ладонью.

— Ну пожалуйста, — сказала она вслух, и голос её сорвался.

Дорога сузилась ещё сильнее. Теперь это была почти грунтовка — две колеи, разделённые полосой высокой, пожухлой травы. Кусты подступали к самой дороге, царапая ветками по бокам машины. Алина замедлилась до сорока, потом до тридцати — не потому, что боялась разбиться, а потому, что не могла понять, куда ехать.

Навигатор молчал — связь пропала окончательно, карта замерла, показывая последнее известное положение точки. Но Алина помнила, куда нужно.

И когда дорога упёрлась в высокий каменный забор, она поняла — приехала.

Забор тянулся вдоль участка так долго, что казался бесконечным — не меньше сотни метров в каждую сторону. Тёмный, мокрый камень, сложенный так плотно, что не было видно ни одной щели. Ни таблички, ни номера дома, ни почтового ящика. Ни камер на виду — но это ничего не значило, потому что если камеры здесь и были, они висели там, где их нельзя было заметить с дороги. Только чёрные металлические ворота — высокие, глухие, без ручек снаружи — и деревья, нависающие сверху, чьи голые ветви сплетались в сплошной, почти непроницаемый полог.

Навигатор на телефоне вдруг ожил — связь вернулась так же внезапно, как и пропала — и сообщил ровным, безразличным голосом:

— Вы прибыли.

Алина не сразу заглушила двигатель.

Она сидела за рулём, сжимая его обеими руками, и смотрела через лобовое стекло на чёрные ворота. Дворники методично смахивали воду, открывая и закрывая одну и ту же картину: камень, металл, дождь, тишина.

Внутри всё холодело.

Это не было похоже на место, где человек меняет колесо. И не было похоже на обычный частный дом — даже на самый богатый, даже на самый закрытый. Слишком тихо. Слишком пусто. Слишком отрезано от мира — так, будто этот кусок земли специально вырвали из реальности и обнесли стеной, чтобы снаружи не проникало ничего живого.

Алина перевела взгляд на экран телефона.

Точка Данила была здесь.

Прямо здесь.

На территории за воротами.

Сердце пропустило удар — один, потом другой. Грудную клетку сдавило так, что стало трудно дышать. В первую секунду разум отказался это принимать. Он начал лихорадочно искать объяснения, лазейки, спасение: ошибка геолокации — она уже слышала, что приложения иногда ошибаются на сотни метров. Сбой программы — может быть, координаты не обновились вовремя. Неточная карта — старые данные, неправильная привязка к местности, соседний участок, который выглядит так же. Старая точка — телефон выпал из кармана, и кто-то подобрал его, и теперь эта точка не имеет никакого отношения к тому человеку, которого она ищет.

Любая версия подходила лучше, чем простая, холодная мысль, от которой у неё немели руки, а в горле вставал ком.

Данил находится за этими воротами.

Или его телефон находится там.

Второе было не легче первого.

Алина выключила двигатель. Тишина, которая опустилась на салон, была оглушающей — без шума мотора, без работы дворников, без тихого дыхания вентиляции.

Она открыла дверь и вышла под дождь.

Воздух ударил в лицо — холодный, сырой, пахнувший мокрым камнем, гнилой листвой и чем-то металлическим, чужим. Ветер рванул волосы, бросил их на глаза. Алина откинула их назад и сделала шаг к воротам.

Трава под ногами была высокой — выше щиколотки — и мокрой насквозь. Кроссовки промокли мгновенно, холод проник сквозь ткань, но она почти не чувствовала этого. Всё сосредоточилось в одной точке: в этих воротах, в этой тишине, в этом неправильном месте.

Где-то в глубине участка кричала птица.

Резко. Неприятно. Почти по-человечески. Так кричат, когда что-то не так, когда тревога вьедается в горло и не даёт замолчать. Крик повторился — дважды, трижды, потом оборвался, и снова стало тихо.

Ворота были высокими — метра три, не меньше. Чёрный металл, кованые вставки, никаких ручек снаружи. Только сбоку, в каменной колонне, врезана была небольшая металлическая панель — кнопка вызова без динамика, без таблички, без намёка на то, кому именно она звонит.

Алина нажала.

Ничего.

Нажала ещё раз — дольше, сильнее, почти с ненавистью.

Тишина.

Внутри не было слышно ни звонка, ни голоса, ни шагов. Маленькая чёрная кнопка проваливалась под пальцем с едва заметным кликом, но этот звук уходил в камень и не возвращался.

Тогда Алина шагнула вперёд и ударила ладонью по воротам.

Звук был глухим, тяжёлым — железо ответило низкой, вибрирующей нотой, которая растаяла в воздухе через секунду.

— Эй! — крикнула она. Голос прозвучал хрипло, сорванно, почти незнакомо.

Никто не отозвался.

Она ударила ещё раз — сильнее, сжав пальцы в кулак. Костяшки тут же заныли, но она не остановилась.

— Откройте! Здесь есть кто-нибудь?

Тишина.

Долгая. Тяжёлая. Бесконечная.

Алина стояла, прижимаясь лбом к холодному металлу, и слышала только собственное дыхание и стук сердца, которое колотилось где-то в ушах.

Потом — очень далеко, будто на другом конце большого двора — раздался слабый скрежет.

Она замерла.

Это мог быть звук открываемой двери. Или шаги по гравию. Или что-то упало. Или показалось — ветер, запутавшийся в ветвях, принятый за чужое присутствие.

Алина отступила на шаг, потом на два, обводя взглядом стену. Слева от ворот каменная кладка уходила в кусты — густые, непролазные, с колючими ветками, которые не подпускали

близко. Справа — стена и забор, образующие угол, под которым можно было пролезть только ползком.

Она обогнула ворота по дуге, обходя лужу у каменной тумбы, и заметила узкий зазор между стеной и кустарником. Не проход — просто место, где растения были чуть реже, где можно было хоть что-то разглядеть, если встать почти вплотную к камню и протиснуть голову в промежутки между ветками.

Она сделала это, не думая.

Сначала увидела только часть заднего двора — серую, мокрую плитку, покрытую пятнами мха. Голые ветви низкорослых деревьев, подстриженных слишком ровно, слишком симметрично — так стригут кусты на кладбище. Дальнюю стену дома — тёмную, с высокими узкими окнами, за которыми не было видно света.

Потом взгляд зацепился за тёмный силуэт под навесом.

Машина.

Серая.

Средних размеров.

С номером, который она узнала раньше, чем успела прочитать целиком — знакомое сочетание букв, цифр, регион.

Это была машина Данила.

У Алины перехватило дыхание. Внутри что-то оборвалось — не лопнуло, а упало, провалилось в пустоту, оставив после себя звенящую, ледяную полость.

Она отшатнулась от стены так резко, что ветки хлестнули по лицу, оставив на щеке мокрые царапины. Не чувствуя боли, она бросилась обратно к воротам и заколотила в них уже обеими руками — кулаками, ладонями, всем весом своего тела.

— Откройте! — крикнула она, и голос сорвался на крик. — Я видела машину! Откройте немедленно!

Металл гудел под её ударами, но не поддавался. Она била и била, пока не заболели руки, пока не охрипла, пока слёзы — злые, горячие — не смешались с дождевой водой на её лице.

И тогда шаги она услышала отчётливо.

Неторопливые.

Плавные.

Приближающиеся с той стороны.

Шаги человека, который идёт не потому, что спешит, а потому, что ему нужно. Который знает, что ему откроют. Который не боится.

Алина отступила на шаг от ворот, вытирая лицо рукавом Даниловой куртки.

В одной из створок — там, где раньше не было видно никакого проёма — открылась узкая дверь. Настолько тихо, что от этого бесшумного движения стало ещё страшнее. Петли не скрипнули. Замок не щёлкнул. Дверь просто отделилась от стены, как часть единого целого, и открылась внутрь.

На пороге стояла женщина.

Высокая. Прямая. Неподвижная, как статуя.

Вся в чёрном — длинная, до щиколоток, мантия с капюшоном, накинутым на голову. Ткань была тяжёлой — не хлопок, не шерсть, что-то другое, что не колыхалось на ветру, а висело плотной, непроницаемой завесой.

Капюшон скрывал волосы и половину лица. Алина видела только подбородок — острый, бледный — губы, сухие, без помады, сжатые в тонкую линию, и часть щёк — фарфоровых, прозрачных, словно женщина никогда не выходила на солнце.

Ни украшений. Ни косметики. Ни хоть какой-то случайной человеческой детали, за которую можно зацепиться взглядом и сказать: «Она такая же, как я».

Женщина посмотрела на Алину.

Спокойно. Почти равнодушно.
Словно видела её каждый день.

— Да? — спросила она.

Голос был низким, ровным — без интонации, без вопроса в конце, просто звук, обозначающий «я слушаю».

Алина открыла рот и несколько секунд не могла произнести ни слова. В горле пересохло, язык прилип к нёбу. Она стояла под дождём, в чужой куртке, с мокрыми волосами, и смотрела на эту женщину в чёрном, которая загораживала собой вход туда, где стояла машина её мужа.

— Здесь мой муж, — выдохнула она наконец. — Его зовут Данил Воронцов. Я только что видела его машину во дворе.

Голос дрожал, но слова были чёткими. Она заставила себя не отводить взгляд.

Женщина даже не обернулась.

— Вы ошиблись, — сказала она.

— Нет. Не ошиблась, — Алина шагнула вперёд, почти вплотную к двери. — Я знаю его машину. Я знаю номер. Я узнала её отсюда, через стену. Он звонил мне час назад, сказал, что у него пробито колесо. Потом связь оборвалась. Его геолокация показывает этот адрес.

Женщина слушала, не перебивая. Лицо её не изменилось ни на миллиметр.

— Здесь нет такого мужчины, — повторила она.

— Я только что видела машину! — Алина повысила голос, чувствуя, как внутри закипает отчаяние, смешанное со злостью. — Серебряный седан, номер пятьсот семьдесят второй регион, три буквы «В» в начале. Не говорите мне, что это не его машина.

— Это частная территория, — спокойно ответила женщина.

— Где мой муж?

— Вам лучше уехать.

— Я не уеду, пока не увижу его.

— Тогда вызовите полицию.

Алина смотрела на неё и вдруг ясно поняла: та не боится.

Не боится этих слов. Не боится перспективы полиции — ни участкового, который придет через час, ни следователя, который задаст формальные вопросы и уедет с ощущением, что «ничего особенного». Не боится скандала. Не боится её слёз, её крика, её страха.

Так смотрят люди, у которых всё подготовлено заранее.

У которых армия адвокатов, знакомства в нужных местах и ответы на любые вопросы, которые только может задать простой человек.

Из глубины двора донёсся какой-то звук.

Алина напрягла слух — низкий, глухой, будто где-то быстро закрыли багажник или тяжёлую дверь. Или что-то упало. Или...

Она резко подалась вперёд, пытаясь заглянуть женщине за плечо, туда, где в просвете между домами виднелся кусочек двора.

Но женщина едва заметно сдвинулась — плавно, почти незаметно — и заслонила обзор.

— Я хочу войти, — сказала Алина.

— Нет.

— На каком основании?

— На том, что это не ваш дом.

Женщина сделала шаг назад — внутрь двора — и положила руку на край двери, готовясь закрыть её.

— Подождите! — крикнула Алина и схватилась за край металла.

Пальцы скользнули по мокрой поверхности, но она удержалась — вцепилась в дверь, не давая ей закрыться. Металл был холодным, почти обжигающим, но она не отпустила.

Женщина посмотрела на её пальцы — без страха, без раздражения, просто как на неудобство, которое нужно устранить.

— Отпустите, — сказала она. Всё тем же ровным голосом.

— Где мой муж?!

Они стояли так несколько секунд — дверь, зажатая между ними, как поле битвы. Алина чувствовала, как силы покидают её — не физически, а как-то глубже, на том уровне, где человек решает, продолжать ему бороться или сдаться.

Женщина была сильнее.

Не мускулами — она не прилагала видимых усилий. Просто спокойствием. Этой жуткой, непробиваемой уверенностью в том, что всё происходящее — временное. Что Алина уйдёт. Что она не сможет переступить эту границу.

И когда та слегка потянула дверь на себя, Алина не удержалась.

Пальцы соскользнули, дверь сдвинулась ещё на несколько сантиметров, едва не прищемив ей фаланги.

— Здесь нет вашего мужа, — повторила женщина, и в голосе её впервые проскользнуло что-то, похожее на усталость. Не сочувствие. Просто усталость от чужой настойчивости. — И больше не приезжайте сюда.

Дверь закрылась.

Щелчок замка прозвучал почти мягко — не удар, а деликатное, почти вежливое завершение разговора.

Алина осталась одна.

Под дождём.

С мокрыми волосами, сбитым дыханием, ноющими костяшками и машиной Данила по ту сторону стены.

Она стояла, глядя на тёмный металл ворот, и чувствовала, как реальность расплывается вокруг неё, как недопечённый пирог. Всё, что она знала о мире — что мужья не исчезают просто так, что люди не закрываются в домах с чужими машинами во дворе, что полиция приезжает и помогает, — всё это трещало по швам.

Только теперь, в этой сырой апрельской мгле, стоя одна перед закрытыми воротами, Алина поняла, что дрожит не от холода.

Она дрожит от страха.

Настоящего, ледяного, бездонного страха, который не имеет ничего общего с тревогой перед звонком начальника или волнением перед важной встречей. Это был страх потери. Страх неизвестности. Страх перед тем, что она найдет по ту сторону стены, если когда-нибудь туда попадёт.

Она сделала шаг назад, потом другой. Засунула дрожащие руки в карманы Даниловой куртки и нащупала там что-то маленькое, твёрдое — его зажигалку. Простую, металлическую, которой он пользовался, чтобы зажечь газ на кухне, когда не работал пьезоэлемент.

Алина сжала её в кулаке так сильно, что металл впился в кожу.

Потом достала телефон — экран был в каплях дождя, но работал — и набрала 112.

Пока шли гудки, где-то внутри участка — за стеной, за воротами, за этой чёрной, безжальной тишиной — коротко вспыхнули фары.

На секунду.

На меньше.

А потом погасли.

И тонкий, почти неслышный голос в трубке произнёс:

— Служба спасения. Что у вас случилось?

Алина открыла рот.

И не смогла произнести ни слова.

Потому что если она скажет это вслух — «мой муж пропал» — то всё станет правдой. Окончательной. Бесповоротной.

Она схватила телефон и, глядя на чёрные ворота, прошептала в трубку:

— Мне нужна полиция.

Глава 3. Пока никто не верит

Оператор ответил быстро — на втором гудке, — но голос был слишком спокоен для того, что происходило у Алины внутри. Эта спокойная, выверенная интонация, которой обучают всех операторов экстренных служб, сейчас казалась почти оскорблением. Будто кто-то наливал воду в охваченный огнём дом.

Алина назвала адрес — точнее, то, что можно было назвать адресом: дорога без названия, координаты с карты, ориентир — высокий каменный забор, который тянется вдоль участка, частная территория за городом. Потом сказала «возможное исчезновение человека». Потом назвала своё имя. Потом имя Данила. Потом снова повторила, что видела его машину внутри двора.

Женский голос на линии попросил не кричать и говорить по порядку.

Алина стиснула зубы так сильно, что челюсть заболела. Она вдруг осознала, что действительно кричит — или, по крайней мере, говорит слишком громко, слишком быстро. Голос срывался, слова наезжали друг на друга, в горле стоял ком, который мешал дышать.

— Я говорю по порядку, — ответила она, заставляя себя замедлиться. — Муж позвонил с трассы, сказал, что пробил колесо. Связь оборвалась. Геолокация показала это место. Я приехала, увидела его машину за воротами. Мне открыла женщина и сказала, что его здесь нет.

— Ваш супруг находится в опасности прямо сейчас? — спросил оператор.

— Я не знаю! Именно поэтому я и звоню!

— Есть признаки насилия? Крики? Следы борьбы?

Алина оглянулась на ворота, на мокрый камень, на тёмные деревья над стеной, чьи голые ветви сплетались в сплошной, почти непроницаемый полог.

— Здесь слишком тихо, — сказала она.

И это было правдой, которая страшила больше, чем любые крики о помощи. Тишина была неправильной. Не жилой, не домашней, не той тишиной, в которой живут люди — с посудой, шагами, включённым телевизором, собачьим лаем, голосами. Это была тишина молчания. Тишина, которую нарочно создают.

На том конце линии наступила короткая пауза. Всего пара секунд. Но для Алины они растянулись в бесконечность. Она вдруг отчётливо поняла, что происходит: оператор мысленно оценивает её, раскладывает по полочкам, решает, куда отнести — в категорию «действительно тревожный случай» или в категорию «истеричная женщина, у которой муж задержался и сел телефон».

— Экипаж будет направлен, — ответили наконец. Формально, без той нотки срочности, которую Алина так надеялась услышать. — Ожидайте на месте. Не покидайте территорию до прибытия сотрудников.

— Как долго?

— В течение часа.

Час.

— Спасибо, — сказала Алина механически и сбросила звонок.

Час ожидания.

Она снова посмотрела на ворота. Никакого движения. Ни шагов. Ни голосов. Ни света в окнах, если не считать тусклого отблеска где-то в глубине участка — жёлтого, неверного, не живого. Он мог быть чем угодно — лампой, отражением от мокрого стекла, просто игрой дождя на тёмной поверхности.

Алина перевела взгляд на телефон. 14:23.

Три часа назад они пили кофе на кухне, и он говорил: «Не пропаду».

Она снова подошла к зазору у стены. Кроссовки скользили по мокрой траве — высокой, жёсткой, не скошенной, будто здесь никогда не ходили люди. Она прижалась плечом к холодному, шершавому камню — настолько холодному, что холод пробил ткань куртки — и протиснулась в щель между стеной и кустами. Ветки царапали лицо, цеплялись за волосы, в лицо ударила струя воды, сорвавшаяся с листа.

Она смотрела, почти не дыша.

Двор был пуст.

Место под навесом, где стояла машина Данила — серебристый седан, который она узнала бы из тысячи, — теперь зияло пустотой. Серая плитка, мокрая, с тёмными пятнами. Чёрный след от шин — едва заметный, расплывающийся под дождём. Тень от навеса, уродливая, когтистая, падающая на стену.

Машины не было.

Алина моргнула. Потом ещё раз. Потом заставила себя посмотреть в другую сторону, в глубину двора, где угадывались другие постройки — не то гараж, не то хозяйственный блок, не то ещё что-то, скрытое деревьями.

Пусто.

На секунду её охватило такое чистое, ледяное недоумение, что страх даже отступил. Страху нужен объект. А здесь было только непонимание — абсолютное, беспомощное, детское.

Она точно видела машину.

Точно.

Не показалось. Не спутала. Не придумала в истерике, стоя под дождём, когда мозг отключается и начинает рисовать картины, которых нет.

Серый кузов. Номер — пятьсот семьдесят второй регион, три буквы «В» в начале. Скол на заднем бампере, слева, размером с ноготь большого пальца — Данил зацепил бордюр на парковке у супермаркета, когда она отвлекла его разговором. Он тогда выругался, потом засмеялся, потом сказал: «Зато теперь у машины характер».

Это была его машина.

И теперь её не было.

Алина резко выпрямилась — так резко, что ветка хлестнула по щеке, оставив мокрый, горящий след. Она не почувствовала боли. Она бросилась обратно к воротам, не разбирая дороги, поскользнулась на мокрой траве, упала на одно колено, вскочила, даже не заметив, что джинсы промокли насквозь, и снова заколотила по металлу.

— Я знаю, что вы там! — крикнула она. Голос сорвался, прозвучал хрипло, почти незнакомо. — Я видела машину! Вы её спрятали?

Кулак ударил в железо — раз, второй, третий. Металл гудел глухо, неохотно, как большой колокол, который не хотят будить. Боль отдалась в костяшках, но Алина продолжала бить.

— Откройте! Откройте, чёрт вас возьми!

Никто не ответил.

Дождь усилился — или ей только показалось. Вода текла по лицу, смешиваясь со слезами, которых она не замечала, пока не почувствовала солёный вкус на губах.

Она ударила ещё раз, уже просто от бессилия, и вдруг ясно поняла, насколько здесь неудобно кричать. Слишком далеко от дороги — основной, живой, по которой ездят люди, спешат по своим делам, слушают музыку, разговаривают по телефону. Слишком мало шансов, что кто-то случайный услышит её голос среди шума дождя и ветра. Слишком глухое, слишком закрытое, слишком самодостаточное место, чтобы рассчитывать на случайного свидетеля.

Здесь всё было устроено так, чтобы никто не пришёл.

Алина отступила на шаг, прижалась спиной к машине — своей машине, которая осталась стоять у обочины с открытой водительской дверью. Она смотрела на ворота, на чёрный металл,

на кованые узоры, которые теперь, в сером свете дня, казались не украшением, а тюремной решёткой.

Время потеряло нормальный ход.

Пока она ждала полицию, минусы не тянулись — они ломались на отдельные короткие, рваные куски сознания. Проверить телефон. Посмотреть на карту — вдруг точка Данила появилась снова. Снова нажать вызов — гудки, сброс, гудки, сброс. Обойти машину кругом, зачем-то проверить давление в шинах, будто это имело значение. Вернуться к воротам. Прислушаться. Ничего не услышать. Снова посмотреть на телефон. Написать сообщение — «Даня, я здесь, отзовись, пожалуйста». Серая галочка. Не доставлено.

Мессенджер. Снова серые галочки.

Звонок. Сброс.

Звонок. Сброс.

Алина сидела на водительском сиденье, не закрывая дверь, и смотрела на закрытые ворота. Дворники иногда проезжали по лобовому стеклу, смахивая воду, но мир за окном оставался неизменным: камень, металл, дождь, тишина.

Геолокация Данила всё ещё показывала ту же точку в приложении — когда она успела его открыть снова, она не помнила. Точка мигала где-то за стеной, в глубине частной территории. Внутри дома. Или в подвале. Или в гараже, куда только что уехала машина.

А потом точка исчезла.

Просто перестала обновляться.

На экране возникла серая надпись: «Местоположение недоступно. Абонент не в сети».

Не в сети.

Алина смотрела на эти слова — холодные, технические, безликие — и чувствовала, как внутри неё что-то обрывается. Не связь. Не надежда. Что-то другое, более глубокое, на уровне тех вещей, для которых ещё не придумали названий.

Телефон мог сесть. Мог разрядиться — она знала, что утром у него было восемьдесят процентов, но зарядка могла выпасть, или он забыл её взять, или просто не успел поставить на зарядку, собираясь в спешке. Телефон могли выключить. Принудительно. Чужой рукой.

Она заставила себя не додумывать эту мысль.

Не сейчас.

Потом. Когда появятся доказательства. Когда перестанет трясти. Когда она сможет смотреть на вещи прямо, не отворачиваясь.

Сейчас — только факты. Только то, что известно точно.

Точка пропала. Связи нет. Машина исчезла со двора.

И никто, кроме неё, этого не видел.

Полицейская машина приехала через двадцать семь минут.

Алине показалось, что прошёл как минимум час. Она успела обойти забор по периметру — насколько это было возможно, продираясь через кусты и высокую траву, — и не нашла ни одной калитки, ни одного проёма, ни одной щели, через которую можно было бы заглянуть внутрь. Только сплошной камень, и деревья, и тишина.

К тому времени, как на дороге показались мигалки — сначала далёкие, потом ближе, потом ослепительно-белые в сером апрельском сумраке, — Алина промокла до нитки, замёрзла, и руки её дрожали так, что она не могла удержать телефон.

Из полицейской машины вышли двое.

Старший — плотный мужчина лет сорока пяти, с усталым, раздражённо-непроницаемым лицом человека, который видел слишком много ложных вызовов и научился не верить первому впечатлению. Форма сидела на нём мешковато, ботинки были тяжёлыми, армейскими.

Он сразу окинул взглядом ворота, стену, Алину — и что-то в его глазах сказалось ей, что он уже принял решение.

Молодой напарник — лет двадцати пяти, с ещё не утратившей живость лицом, с любопытством, которое он пытался скрыть за профессиональной серьёзностью. Он сразу оглядел ворота с выражением человека, не ожидавшего увидеть здесь ничего, кроме чужого семейного конфликта, и был слегка разочарован тем, что конфликт, кажется, действительно странный.

— Кто вызывал? — спросил старший.

Голос у него был низкий, прокурный, с хрипотцой. Алина ненавидела этот голос ещё до того, как он успел сказать что-то ещё.

— Я, — она шагнула к ним так быстро, что сама услышала в своём голосе отчаяние. Промокшие кроссовки скользнули по мокрому асфальту, она едва не упала, но не заметила. — Мой муж пропал. Он здесь. Или был здесь. Я видела его машину.

Полицейский кивнул — коротко, без участия, как кивают, когда хотят показать, что слушают, но на самом деле уже всё решили.

— Спокойно. По порядку.

— Не надо «по порядку», — сказала Алина. — Я уже говорила по порядку оператору. Мне нужна ваша помощь, а не допрос.

— Чтобы помочь, я должен понять, что случилось. — В его голосе появилась лёгкая сталь. — Рассказывайте.

Ей снова пришлось рассказывать всё сначала.

Про утро. Про разговор на кухне. Про кофе и омлет. Про то, как он уходил, как поцеловал её в висок. Про звонок с трассы. Про пробитое колесо. Про оборвавшуюся связь. Про странный треск в трубке. Про геолокацию. Про то, как она села в машину и поехала, потому что ждать больше не могла. Про ворота. Про женщину в чёрной мантии. Про машину во дворе — ту, которую она видела своими глазами. Про то, как машина исчезла, пока она ждала полицию.

Старший слушал, иногда задавая короткие, рубленые вопросы. Казалось, он пропускал её слова через внутренний фильтр, отсеивая эмоции и оставляя только факты — но те факты, которые он отбирал, были не теми, что нужны были Алине.

— Ссорились с мужем в последнее время?

— Нет.

— Употреблял? Алкоголь, наркотики?

— Нет.

— Играл в азартные игры? Долги?

— Нет! — Алина повысила голос. — Он обычный человек. У него работа, жена, обычная жизнь. Он не пил, не играл, не должен никому денег. Почему вы спрашиваете об этом?

Полицейский посмотрел на неё долгим, ничего не выражающим взглядом.

— Потому что люди не исчезают просто так.

— Вот именно. Именно поэтому я здесь.

— Мог уехать по собственной воле? — спросил он, и это было хуже всего. Потому что этот вопрос означал, что он рассматривает самый простой вариант — тот, который снимает с него любую ответственность.

— Нет! — почти выкрикнула Алина.

— Откуда такая уверенность?

Она посмотрела на него почти с ненавистью. На этого усталого мужчину в мокрой форме, который стоял под дождём и задавал вопросы, ответы на которые она уже дала. На чужую безразличную спину, которая заслоняла собой вход туда, где, возможно, сейчас был Данил.

— Оттуда, что я его знаю, — сказала она. — Пять лет вместе. Он не уехал бы, не предупредив. Не выключил бы телефон. Не пропал бы на несколько часов без звонка. Это не он.

— Люди меняются, — пожал плечами полицейский.

— Не в один день и не в середине разговора о замене колеса.

Он ничего не ответил на это.

Повернулся к воротам, подошёл к кнопке вызова, нажал. Подождал секунду. Нажал ещё раз — дольше, сильнее. Потом постучал костяшками пальцев по металлу — спокойно, без нажима, будто стучался к соседу забыть соль. Металл отозвался глухим, невыразительным звуком.

— Откройте, полиция, — сказал он. Громко, но не крикливо.

Тишина.

Потом — шаги.

Та же узкая дверь в створке открылась — бесшумно, будто это был не металл, а ткань.

Та же женщина.

Даже мантия была та же — длинная, чёрная, до щиколоток, закрытая до самого горла. Ткань висела плотно, не колыхаясь на ветру, будто была сделана из чего-то более тяжёлого, чем обычная одежда. Только теперь на ней был прозрачный дождевик — дешёвый, хозяйственный, какой продают на рынках, — и от этого контраста она выглядела ещё страннее: будто средневековую монахиню нарядили в современную экипировку, и она терпит это как временное неудобство.

На голове — всё тот же капюшон, низко надвинутый на лоб. Лица почти не видно. Только подбородок и бледный блеск щеки.

— Добрый день, — сказал старший полицейский. В его голосе не было враждебности. Только усталая официальность. — Поступил вызов. Гражданка утверждает, что на вашей территории находится её супруг.

Женщина перевела взгляд на Алину — не удивлённо, не раздражённо, не испуганно. Она посмотрела на неё так, как смотрят на предмет, который уже убрали с дороги и вынуждены снова видеть на прежнем месте. С лёгкой, почти незаметной досадой.

— Я уже объяснила этой женщине, — сказала она. — Здесь нет такого мужчины.

— Вы владелица дома? — спросил полицейский.

— Нет. Я одна из проживающих.

— Кто владелец?

— Частный благотворительный центр. Документы есть, юридическое лицо зарегистрировано, все договоры в порядке.

Старший кивнул, будто это объяснение его полностью устраивало.

— Можно проверить территорию? Просто обойти двор, убедиться, что заявительница ошиблась.

Женщина чуть улыбнулась. Не губами — губы остались неподвижными. Улыбнулась интонацией, самым звуком своего голоса.

— На каком основании? — спросила она.

Старший помолчал.

Оснований у него, по сути, не было. Пропавший взрослый мужчина, несколько часов без связи, жена с геолокацией, которая никого ни к чему не обязывает. Нет ордера. Нет постановления. Нет даже заявления, потому что Алина ещё не написала его официально.

— Это частная территория, — продолжала женщина. — Здесь находятся люди, которые приехали за помощью. Мы не можем пускать посторонних каждому, кто постучит в ворота.

— Я не посторонняя! — Алина шагнула вперёд, сокращая расстояние между собой и женщиной. — Мой муж здесь! Я видела его машину!

Женщина даже не вздрогнула.

— Вы ошибаетесь.

— Скажите ей про машину! — Алина повернулась к полицейскому, потом снова к женщине. — Серебристый седан. Я видела его под навесом, когда вы открыли дверь в первый раз.

А потом, пока я ждала полицию, вы его спрятали. Угнали в гараж. Сделали вид, что ничего не было.

— У нас на территории несколько автомобилей, — спокойно ответила женщина. — Я не знаю, какую машину вы видели. Но если вы утверждаете, что это машина вашего мужа, у вас есть номер? Вы сфотографировали?

Алина замерла.

Это был тот же вопрос, что и у полицейского. И ответ был тот же.

— Нет, — сказала она. — Я не подумала.

— Тогда, простите, на чём основаны ваши обвинения?

— На том, что я не сумасшедшая!

— Никто вас сумасшедшей не называет, — мягко сказала женщина.

И это «мягко» было хуже любого оскорбления.

Молодой полицейский заглянул поверх её плеча, но из-за угла видно было только кусок дорожки — серой, мокрой, с редкими плитками — и часть стены дома, тёмной, с высокими узкими окнами, за которыми не было видно ни света, ни движения.

Старший снова заговорил — уже суше, официальнее, чувствуя, что время уходит, а дело не двигается.

— Смотрите. Есть заявление о возможном исчезновении гражданина. Если человек действительно находится на вашей территории, скрывать вам нечего.

— Нам нечего скрывать, — ответила женщина. Голос её был спокоен, как у человека, который повторяет эту фразу не в первый раз. — Но вы должны понимать: у вас нет постановления на осмотр. Нет данных, что этот человек вообще приезжал сюда. Только слова взволнованной женщины, которая, возможно, неверно истолковала ситуацию.

Она говорила без страха. Без суеты. Без той нервозности, которая выдаёт виновного. Она говорила так, будто не спорила, а зачитывала давно выученный, многократно проверенный порядок действий. Порядок действий для случая, когда кто-то стоит за воротами и требует войти.

Алина смотрела на неё и чувствовала, как внутри закипает холодная, бессильная ярость. Эта женщина знала. Знала, что полиция не может войти без ордера. Знала, что для ордера нужно заявление, а для заявления — время. Знала, что Алина одна, что у неё нет доказательств, что её слова против их слов, и в этой системе координат она проигрывает.

Старший полицейский вздохнул.

Алине показалось, что она видит, как в нём что-то внутренне оседает. Не интерес. Не подозрение. А готовность не связываться без прямого повода, потому что прямой повод — это бумаги, это начальство, это время, которого и так нет.

— Фамилия у центра есть? — спросил он.

— Разумеется.

Женщина назвала название. Алина услышала его, но не запомнила. Что-то гладкое, нейтральное, почти безликое — как названия всех благотворительных фондов, центров помощи, частных клиник. Слова были правильные, стерильные, вычищенные от любой смысловой нагрузки. «Возрождение». Или «Гармония». Или «Тихий дом». Что-то про обновление, про надежду, про второй шанс.

Полицейский записал в блокнот. Кивнул.

— У вас камеры есть? — спросил он.

— Разумеется.

— Сохраняйте записи за сегодня.

— Конечно.

«Конечно» прозвучало так, словно женщина уже заранее знала, что именно сохранят, а что — по техническим причинам — не запишется. Или запишется, но окажется нечитаемым. Или окажется, что камера смотрела не туда, куда нужно.

Алина чуть не рассмеялась от абсурда. Горького, истеричного смеха, который застрял в горле и не мог вырваться наружу.

— Вы даже не осмотрите ничего? — спросила она у полицейского. — Серьёзно? Вы приехали, поговорили и уедете?

Старший повернулся к ней. В его глазах мелькнуло что-то — то ли усталость, то ли раздражение, то ли тень сочувствия, которое он тут же задавил.

— Гражданка, успокойтесь. На данный момент у нас есть ваши слова, отсутствие связи с супругом и частная территория, владельцы которой отрицают его присутствие. Это не основание для обыска.

— Я видела его машину!

— Номер записали?

Она замолчала.

— Фото сделали?

Алина не ответила.

Молодой полицейский отвёл взгляд. Ей показалось — или в его глазах мелькнуло сожаление? Быстрое, почти незаметное, как вспышка. Сожаление человека, который понимает, что помощь, которую он может предложить, не равна той помощи, в которой нуждаются.

Это было хуже всего.

Не грубость. Не насмешка. Не открытое пренебрежение. А это быстрое, почти незаметное отступление — профессиональное, формально обоснованное, — которое оставляло её одну перед закрытыми воротами.

— Мы примем заявление, — сказал старший, убирая блокнот в карман. — Если супруг не выйдет на связь в ближайшее время, будет проводиться проверка.

— В ближайшее время? — переспросила Алина. — Это сколько? Час? День? Неделя?

— Это значит, что прямо сейчас оснований для силового входа у нас нет. Вы должны это понимать.

Она понимала.

Именно это и было страшно.

Женщина в чёрном всё ещё стояла в дверях, не вмешиваясь, не торопясь. Она ждала. Алина вдруг ясно поняла, что та ждёт именно этого момента. Момента, когда официальная сторона сделает шаг назад. Когда формально всё будет «проверено». Когда напряжение спадет, и она останется одна.

— Она лжёт, — тихо сказала Алина, глядя не на полицейского, а прямо на женщину. — Я видела машину. И вы это знаете.

Впервые в лице той что-то изменилось.

Совсем чуть-чуть.

Не страх. Не злость. Не испуг — тот, кто боится, никогда не стоит так спокойно перед полицией.

Скорее тень. Тень чего-то, похожего на усталое превосходство. На жалость, которую не просили.

— Вам тяжело, — сказала женщина. — Я понимаю. Но здесь вы ответа не найдёте.

И закрыла дверь.

На этот раз — прямо перед полицейскими.

Щелчок замка прозвучал окончательно. Бесповоротно. Звук этот был негромким, но Алине показалось, что она услышала его сквозь шум дождя, сквозь ветер, сквозь колотящееся сердце.

Старший полицейский уже поворачивался к машине.

— Поехали в отделение, оформим заявление.

— Нет, — сказала Алина.

Он посмотрел на неё устало.

— Что «нет»?

— Я никуда не поеду, пока вы не проверите двор.

— Мы не можем ломать ворота, потому что вам что-то показалось.

Эти слова ударили сильнее, чем она ожидала.

Показалось.

Её муж исчез. Связь оборвалась. Геолокация привела сюда. Машина стояла во дворе — она видела её, клянётся всем, что у неё есть. А теперь главное официальное слово было — «показалось».

— Вы хотите дождаться, пока он умрёт? — спросила она, и голос её сорвался.

Молодой полицейский дёрнулся, будто ему стало неловко. Он что-то хотел сказать, но старший опередил его:

— Не надо истерик. Хотите помочь мужу — действуйте нормально. Пишите заявление, дайте полные данные, список контактов, маршруты, последние звонки, геолокацию — всё, что есть. А не ломитесь в чужой дом.

— Это не чужой дом. Это место, где держат моего мужа.

— У вас нет доказательств. И вы это знаете.

Она знала.

Именно это душило её сильнее всего.

Алина смотрела на высокий мокрый забор, на закрытые ворота, на чёрную дверь, которая только что захлопнулась перед лицом закона. На пустое место под навесом, где совсем недавно стояла машина Данила.

И вдруг поняла простую, страшную вещь.

Сейчас никто не считает происходящее настоящим.

Ни этот усталый полицейский, который видел десятки женщин с похожими историями и девяносто процентов из них оказывались правы только в своей тревоге. Ни Максим, друг Данила, который сказал «подожди» и отключился. Ни оператор на линии 112, чей спокойный голос был вежливой формой «вы, наверное, преувеличиваете». Никто, кроме неё.

Для всех это будет одна из версий: взрослый мужчина не отвечает на звонки несколько часов, жена нервничает, странный дом за городом, эмоции, недоразумение.

Только она одна знала, что это не недоразумение.

Именно поэтому ей стало по-настоящему страшно.

Не из-за особняка с чёрными воротами. Не из-за женщины в мантии, которая смотрела сквозь неё, как сквозь стекло. Даже не из-за исчезнувшей машины и оборванного звонка.

А из-за того, как легко можно исчезнуть у всех на глазах, если снаружи всё выглядит достаточно прилично.

Если забор высокий.

Если есть документы.

Если голос женщины спокоен, а голос жены — нет.

—

Алина всё-таки поехала за полицейской машиной в отделение.

Потому что выбора не было.

Потому что если она не оформит заявление официально, у неё не будет даже той призрачной бумажки, которая могла бы что-то значить. Потому что надежда — даже маленькая, даже глупая — всё ещё теплилась где-то внутри, в том месте, которое отказывалось верить в худшее.

Она ехала за мигалками, не включая своих фар, хотя уже смеркалось.

Дождь не прекращался.

По обе стороны дороги тянулись мокрые поля, чёрные, пустые, без огней. Изредка попадались одинокие дома с жёлтыми окнами — такие далёкие, такие обычные, такие недостижимые. Алина держалась за руль, смотрела на красный отсвет полицейской машины впереди и думала.

Она думала о том, что полиция не поможет. Не потому, что не хочет — а потому, что система не создана для таких случаев. Для исчезновений, которые выглядят как недоразумение. Для страха, у которого нет доказательств.

Она думала о женщине в чёрном — о её спокойствии, о её уверенности, о том, как она закрыла дверь, зная, что никто не войдёт.

Она думала о Даниле — о его голосе в последнем звонке, о том, как он сказал «всё будет хорошо», и как после этого наступила тишина.

И где-то между мокрой трассой, мигающими фонарями и холодеющим апрельским вечером в ней впервые возникла новая мысль. Не паническая. Не отчаянная. А тяжёлая и ясная, как лезвие ножа.

Если Данил действительно там, за этими воротами — вытаскивать его придётся ей самой.

Полиция не придёт.

Максим не поможет.

Никто не поверит достаточно, чтобы рискнуть.

Только она.

И эта мысль — страшная и освобождающая одновременно — осталась с ней, когда она заглушила двигатель на стоянке у полицейского участка, когда вошла в тёплое, пахнущее дешёвым кофе и казённой бумагой здание, когда села на жёсткий стул напротив следователя, который смотрел на неё с вежливым, хорошо скрываемым скепсисом.

— Рассказывайте ещё раз, — сказал он. — С самого начала.

И она рассказала.

Всё.

Про кофе. Про омлет. Про звонок. Про треск в трубке. Про геолокацию. Про ворота. Про женщину. Про машину, которая была и исчезла.

Следователь записывал, кивал, задавал уточняющие вопросы — ровно те, которые должен был задать. Алина отвечала, чувствуя, как каждое слово падает в пустоту, не встречая отклика.

— Мы проверим, — сказал он наконец, закрывая папку. — Возможно, уже завтра.

Возможно.

Завтра.

Алина вышла из участка в темноту.

Дождь кончился, но ветер остался — холодный, пронизывающий, с морозной апрельской сыростью. Она стояла на ступеньках, сжимая в руках талон-уведомление о принятии заявления, и смотрела на тёмное небо, в котором не было ни одной звезды.

Потом достала телефон.

Набрала номер Данила.

«Абонент временно недоступен».

Она убрала телефон в карман, села в машину и, не заводя двигатель, просто сидела в темноте, глядя на свои руки, лежащие на руле.

В голове прорастала та самая мысль — не паническая, не отчаянная. Тяжёлая. Ясная.

Она вернётся.

Не завтра. Не после звонка из полиции. А тогда, когда поймёт, как.

Потому что другого выхода не было.

Данил был там.
И она единственная, кто это знал.

Глава 4. То, что осталось

В отделении пахло мокрой одеждой, старой бумагой и кофе, который давно перестал быть горячим.

Это был тот особенный запах казённых помещений, который не выветривается даже летом, а в сырую погоду становится густым, почти осязаемым. Он въедался в одежду, в волосы, в кожу, и Алине казалось, что она будет чувствовать его ещё несколько дней — смесь дешёвого стирального порошка, остывшего табака и казённого равнодушия.

Она сидела на жёстком пластиковом стуле напротив стола дежурного и чувствовала, как из неё по капле уходит адреналин. Тот самый, что гнал её по трассе, заставлял колотить в ворота, кричать, не чувствуя холода. Теперь он остывал, сворачивался где-то в груди тяжёлым комком, оставляя после себя только дрожь — мелкую, неприятную, которая начиналась в пальцах и поднималась выше, к запястьям, к локтям, к плечам. Дрожь, которую нельзя было остановить ни усилием воли, ни глубоким вдохом.

Злость тоже была. Но злость — тёплая, живая — уходила куда-то вглубь, уступая место более холодному и бесполезному чувству. Усталости.

Куртка, Данилова куртка, которую она натянула в спешке, не глядя, промокла насквозь. Вода просочилась сквозь ткань, сквозь свитер, добралась до тела, и теперь Алина сидела в холодной, липкой одежде, чувствуя, как сырость въедается в спину, в плечи, в бока. Волосы, которые она даже не пыталась привести в порядок, липли к шее мокрыми, тяжёлыми прядями. На щеке, там, где её хлестнула ветка, запеклась тонкая корочка — она заметила её только сейчас, случайно коснувшись пальцами лица.

Телефон лежал на столе экраном вверх, как будто в любой момент мог ожить и отменить этот день одним коротким, привычным: «Связь пропала, извини. Всё нормально, я дома через час».

Но он молчал.

Чёрный экран. Ни уведомлений. Ни пропущенных. Ни сообщений. Только отражение люминесцентной лампы на стекле — бледное, безжизненное, как свет в операционной.

Дежурный — грузный мужчина лет пятидесяти в очках с толстыми, увеличивающими глаза линзами, отчего его взгляд казался рыбым и слишком пристальным — переписывал её слова в форму так медленно, будто каждое предложение требовало отдельного обсуждения с вышестоящими инстанциями. Шариковая ручка скрипела по бумаге. Он писал с нажимом, продавливая несколько листов сразу, и через один из них Алина видела отпечатки предыдущего текста — чьей-то чужой боли, чужого страха, упакованного в те же сухие, официальные формулировки.

— Фамилия, имя, отчество супруга, — произнёс он, не поднимая глаз.

— Воронцов Данил Сергеевич.

— Год рождения.

Она назвала.

— Место работы.

Назвала снова. Даже назвала должность, хотя знала, что это не имеет значения. Никто не станет проверять прямо сейчас. Никто не позвонит в офис спросить, не приходил ли он сегодня — потому что ночь уже наступила, а завтра будет другой день, и срочность каждого следующего часа будет чуть меньше предыдущей.

— Конфликты в семье были? — спросил дежурный всё тем же ровным, ничего не выражающим голосом.

Алина подняла глаза.

— Вы серьёзно?

Он даже не пошевелился. Только переложил ручку в пальцах.

— Я обязан задать вопросы, — сказал он. — Это стандартная процедура.

— Нет. Конфликтов не было.

— Намерения уйти из дома высказывал?

— Нет.

— Любовница, кредиты, наркотики, азартные игры? — перечислял он, будто зачитывал список покупок. Каждое слово звучало как плевок в реальность, которую Алина пыталась удерживать от распада. Как будто всё это — любовницы, кредиты, наркотики — было более вероятным объяснением исчезновения, чем то, что она видела своими глазами.

— Нет. Нет. Нет. И нет, — сказала она, и в голосе её зазвенело что-то жёсткое. — Мой муж не пил, не принимал наркотики, не играл в азартные игры и не имел любовниц. У нас была обычная жизнь. Обычная. До сегодняшнего утра.

Дежурный кивнул — коротко, механически, словно именно такие ответы и ожидал услышать. Словно если бы она сказала «да, был любовницами, да, пил», это придало бы происхождению больше веса. Но её правда была слишком скучной для драмы. И от этого — ещё более страшной.

Старший полицейский, тот самый, что ездил с ней к особняку — плотный, с усталым лицом и прокуренным голосом — стоял у окна и разговаривал с кем-то по телефону. Говорил тихо, отрывисто, и Алина слышала только отдельные слова: «пропал», «жена», «частная территория».

Молодой напарник что-то печатал за соседним столом, иногда поглядывая в её сторону с выражением, которое она не могла прочесть — то ли жалость, то ли любопытство, то ли неловкость.

Никто не выглядел взволнованным.

Никто не говорил «похищение», «опасность», «нужно срочно». Этих слов в отделении не было.

Вместо них — «проверка», «информация», «ожидание».

И Алина вдруг поняла, как работает система. Бумага убивает ужас быстрее, чем время. Пока ты переписываешь трагедию в анкету, пока выбираешь нужные графы и ставишь галочки в квадратах, ужас перестаёт быть твоим. Он становится чьим-то чужим. Казённым. Управляемым.

— Адрес места, где вы его видели в последний раз, — сказал дежурный.

— Я не видела его там. Я видела его машину. Во дворе. За воротами.

— Тогда адрес места обнаружения автомобиля, — уточнил он, перекладывая бумагу.

— Я не обнаружила автомобиль, — ответила Алина, чувствуя, как терпение трещит по швам. — Я увидела его через щель в заборе. Потом машина исчезла до вашего приезда.

Дежурный оторвал взгляд от формы и посмотрел на неё поверх очков. На секунду показалось, что он хочет что-то спросить — не формальное, а живое. Но нет.

— Так и запишем: «со слов заявительницы», — сказал он и снова склонился над бумагой.

Именно эта фраза — «со слов заявительницы» — впервые заставила Алину понять, как будет выглядеть весь этот кошмар снаружи.

Не как факт.

Как версия.

Не «машина была».

А «со слов заявительницы машина могла находиться на территории».

Не «муж исчез после странного звонка».

А «супруг перестал выходить на связь по неизвестной причине».

Не «закрытый особняк скрывает человека против его воли».

А «жена испытывает подозрения в отношении частного центра».

Язык был идеальным инструментом, чтобы сделать любой ужас менее острым. Менее срочным. Менее настоящим. Он обволакивал правду плотным слоем официальной ваты, и чем больше слов было на бумаге, тем дальше от реальности отодвигалось то, что действительно произошло.

Когда заявление наконец приняли — после бесконечных уточнений, исправлений, переспросов, — ей выдали номер регистрации на тонком, почти газетном листке и устало посоветовали ехать домой, ждать звонка и быть на связи.

— Мы проверим окружение, контакты, маршруты, камеры на трассе, — сказал старший полицейский, отходя от окна. Голос его звучал устало, без той дежурной бодрости, которую Алина иногда видела в сериалах. — Если муж не объявится сам.

Если.

— Вы им верите? — спросила она, глядя ему прямо в глаза.

Полицейский чуть нахмурился — не раздражённо, скорее вопросительно.

— Кому?

— Тем людям за воротами. Женщине в чёрном.

Он пожал плечами. Широко, небрежно, как человек, который слишком часто сталкивался с ситуациями, где нет ни правых, ни виноватых.

— Я не верю никому, — сказал он. — Я работаю с тем, что можно доказать. Пока доказательств нет.

— А если доказывать будет уже поздно?

На этот раз он не нашёлся сразу.

В комнате повисла тишина — тяжёлая, как сырая земля за окном. Молодой полицейский перестал печатать. Дежурный замер с ручкой в руке.

— Тогда будет поздно, — сказал старший после паузы. В его голосе не было жестокости. Только констатация. Та самая, с которой сталкиваешься, когда понимаешь, что мир несовершенен, а твои возможности ограничены.

Алина не ответила.

Она поднялась со стула. Ноги затекли, спина заныла. Куртка противно липла к телу. Она взяла со стола телефон, сунула его в карман, подхватила сумку и повернулась к выходу.

— Я позвоню, если что-то узнаю, — сказал старший ей в спину.

Она не обернулась.

На улице уже темнело.

Дождь почти прекратился, но воздух стал ещё холоднее — казалось, вся сырая тяжесть дня осела над городом мокрым, тяжёлым одеялом и теперь не собиралась уходить до утра. Асфальт блестел под ногами, отражая редкие фонари. Где-то на соседней улице лаяла собака — надрывно, тоскливо, как будто чуяла что-то, чего не видели люди.

Алина села в машину и не сразу вставила ключ в зажигание.

На коленях лежала копия заявления. Тонкий лист, на котором вся её паника, весь её страх, вся её решимость были уложены в сухие, канцелярские строки.

«Заявительница сообщает, что...»

«Со слов заявительницы...»

«Обстоятельства требуют дополнительной проверки...»

Она вдруг поняла, что ехать домой не может.

Не сейчас. Не в пустую квартиру, где чашка Данила всё ещё стоит у сушилки — серая, с отколотым краем, которую он не давал выбросить, потому что «она уже привыкла, в ней чай вкуснее». Где его свитер лежит на стуле — тот самый, синий, с затяжкой на рукаве, который она всё собиралась зашить. Где на подушке ещё осталась вмятина от его головы, и если лечь сейчас, можно почувствовать его запах — цитрусовый гель для душа, кофе, что-то неуловимо своё.

Ехать туда значило принять, что вечер будет обычным. А он не был обычным. Он не будет обычным никогда.

Ей нужно было что-то ещё.

Хоть что-то, что не сводилось бы к словам. К бумаге. К чужим обещаниям, которые никто не собирался выполнять в ближайшие часы.

Тогда она вспомнила о машине Данила.

Служебно её никто не искал. Полицейские даже не уточнили номер нормально — просто переписали с её слов, не глядя на документы. У них были дела поважнее, чем брошенный автомобиль. Или просто — не было веры.

Но если машину убрали с территории особняка, где она сейчас? Если кто-то её перегнал — оставил рядом, бросил на обочине, спрятал в лесу? Или, наоборот, поставил так, чтобы её нашли, чтобы отвести подальше от настоящего места?

Алина открыла приложение на телефоне.

То самое, которым почти никогда не пользовалась. Семейный доступ к автомобилю — Данил сам когда-то подключил ей управление, посмеиваясь: «Вдруг я потеряю ключи, а ты меня спасать приедешь. Будешь как супергерой в юбке». Тогда это казалось забавной мелочью, одной из тысячи маленьких страховок, которыми обросла их совместная жизнь.

Экран загружался слишком долго. Белый фон, крутящийся значок, и ничего больше. Алина задержала дыхание.

Потом карта появилась.

Машина была не в особняке.

И не на трассе, где он менял колесо.

Она стояла в трёх километрах от того места — не по прямой, а в объезд, через лесные дороги. У просёлочной дороги, которая на карте не имела даже названия, только серую линию, уходящую в никуда. На участке старой лесополосы, где не было ни домов, ни камер, ни заправок, ни даже столбов с электричеством. Просто карман у обочины — место, где можно оставить машину и быть уверенным, что её не найдут до утра.

Алина уставилась на мигающую точку, чувствуя, как внутри неё всё обрывается.

Кто-то переставил машину.

Не Данил.

Данил не бросил бы её в лесу. Данил не ушёл бы пешком в темноту без связи, без фонарика, без звонка ей. Если бы это был Данил — если бы он по какой-то невероятной причине решил оставить машину и уйти, — он бы позвонил. Или хотя бы написал. Или хотя бы попытался.

А если машину переставил кто-то другой — значит, они не просто скрывают Данила. Они заматают следы. Они действуют быстро. Аккуратными, рассчитанными движениями, как опытные игроки, которые на несколько ходов вперёд просчитывают действия противника.

Она завела двигатель.

Руки дрожали, но не от холода. Холод был внутри, в костях, в том месте, где страх превращается в действие и перестаёт быть просто чувством.

Алина выехала со стоянки и, не глядя на навигатор — она помнила дорогу, — поехала назад.

За город.

В темноту.

Сумерки загустели быстро. За те полчаса, пока она была в отделении, день окончательно умер, уступив место ночи — не той, городской, с фонарями и светом витрин, а другой, глухой, лесной, где нет ничего, кроме фар, дороги и собственного дыхания.

За городом мир сужался до узкой полосы мокрого асфальта, до света фар, выхватывающих из темноты края дороги, до чёрных силуэтов деревьев, мелькающих по обочинам. Навигатор всё ещё был включён, но Алина почти не смотрела на него — она ехала по памяти, по тем ориентирам, которые успела запомнить днём.

Всё вокруг казалось другим. Не просто мокрым и серым — настороженно пустым. Как будто она въезжала в пространство, из которого обычная жизнь уже отступила на шаг. Или на километр. Или навсегда.

Фуры почти не попадались. Легковые — одна за полчаса. Дорога была её. Только её, фары и темнота.

Точка машины на экране телефона не двигалась. Данилов автомобиль ждал её там же, где был, когда она открыла приложение в отделении. Или кто-то, кто его там оставил.

Через сорок минут Алина свернула на узкую грунтовую дорогу.

Колеса сразу начали мягко вязнуть в сырой, размокшей земле. Грязь летела из-под колёс, хлюпала, прилипала к стёклам. Алина сбавила скорость до минимума, хотя ехать было некуда — дорога была одна, прямая, как стрела, уходящая в чёрный провал между деревьями.

Фары выхватывали кусты — мокрые, низкие, цепляющиеся ветками за бампер. Покосившийся дорожный знак с выцветшей надписью, которую невозможно было прочитать — буквы стёрлись дождями и временем. Выбитую колею, глубокую, заполненную водой, похожую на шрам на теле земли.

Потом слева, за редкой полосой молодых деревьев — берёз, тонких, почти прозрачных в свете фар — блеснул знакомый силуэт.

Серая машина Данила.

Она стояла криво — не параллельно дороге, а под углом, будто её торопливо загоняли задним ходом, не заботясь о ровной парковке. Одно колесо почти утонуло в грязи по самую ступицу. Фары были выключены, стёкла запотели изнутри — от перепада температур, от того, что в салоне больше не было живого тепла.

Алина резко затормозила.

Двигатель заглох.

Тишина накрыла её с головой — густая, вязкая, как смола. В этой тишине каждое движение казалось слишком громким: скрип сиденья, когда она подалась вперёд, хруст рычага коробки передач, её собственное дыхание, слишком частое, слишком шумное.

Несколько секунд она просто сидела, вцепившись в руль. Пальцы онемели, суставы болели от напряжения. Она смотрела на серую машину в свете своих фар и чувствовала, как реальность снова ускользает — уходит из-под ног, как мокрая глина, на которой стояли колёса.

Нашлась.

Но почему здесь? Почему не у ворот особняка, где она видела её полтора часа назад? Почему вообще брошена? И кто, чёрт возьми, угнал её с территории центра и оставил в лесу, в трёх километрах от трассы?

Алина открыла дверь.

Холод ударил в лицо — мокрый, резкий, пахнувший гнилой листвой, сырой землёй и чем-то ещё, металлическим, острым. Ветер подул с новой силой, и деревья зашевелились, закрипели, заговорили на своём языке, которого она не понимала.

Она вышла из машины и сразу почувствовала тишину. Не ту тишину, которая бывает в городе ночью — с редкими гудками, шагами, далёкими голосами. Другую. Глубокую. Лесную. Ту, в которой любой шорох звучит слишком близко, а любой звук кажется пришельцем из другого мира.

Ветки потрескивали от ветра — но это был не тот ветер, что днём. Ночной ветер был упругим, злым, он дул порывами, бросал в лицо мелкие капли воды с листьев, заставлял шуриться и пригибать голову.

Где-то далеко проехала машина — всего одна, на основной трассе, в полукилометре отсюда. Но даже этот звук быстро утонул, растворился в глубине леса, как будто его и не было.

Алина подошла к Даниловой машине.

С каждой секундой внутри неё росла уверенность, что вот сейчас, когда она откроет дверь, он будет там. Сидит на водительском сиденье, усталый, чумазый, с запахом железа и бензина на руках. Повернётся, увидит её и скажет: «Ты чего приехала? Я уже почти починил. Просто телефон разрядился».

Она даже улыbnулась этой мысли — горько, одними уголками губ.

Дверь оказалась не заперта.

У Алины сжал живот так сильно, что она едва не согнулась пополам. Боль была острой, режущей — словно кто-то сжал внутренности ледяной рукой.

Она осторожно потянула ручку.

Металл был холодным, скользким от влаги. Дверь открылась с негромким, жалобным скрипом — петель, не смазанных уже несколько месяцев, потому что Данил всё откладывал поход в автосервис.

Алина наклонилась, заглянула внутрь.

И вдохнула.

Запах сырости — от мокрой обивки, от ковриков, пропитанных дождевой водой. Запах холодного пластика, который бывает в машинах, оставленных надолго на улице. И что-то ещё — незнакомое, чужое, заставляющее ноздри раздуваться.

Сладковатый.

Почти аптечный.

Слишком чистый для леса, слишком острый для обычного запаха.

Не его одеколон — Данил пользовался чем-то цитрусовым, свежим, что всегда оставалось в машине даже после того, как он выходил. Не табак — он бросил курить два года назад. Не обычный запах салона, где пахло кофе, сухарями и иногда — если он вёз что-то с работы — типографской краской и бумагой.

Этот запах был другим. Чужим. Химическим.

На водительском сиденье никого не было.

Ключей тоже.

Бардачок закрыт. На пассажирском сиденье лежал смятый чек из придорожного кафе — «Ашан», «кофе американо», «бутерброд с курицей». Дата — сегодняшняя. Время — 11:42. За час до его звонка.

Алина взяла чек дрожащими пальцами. Бумага была сухой — значит, его положили сюда после того, как машину перегнали. Или он сам? Непонятно.

На заднем сиденье — домкрат. Тяжёлый, старый, неудобный. Он валялся на боку, будто кто-то бросил его в спешке. Рядом — пара мокрых перчаток и кусок ветоши, чёрной от масла и грязи.

На полу у водительского сиденья — баллонный ключ.

Запаска отсутствовала.

Значит, колесо он действительно менял. Или начал менять. Успел снять пробитое, достать запаску. А потом что-то случилось.

Алина обошла машину. Кроссовки вязли в грязи, подошвы хлюпали, в воздух поднимался запах прелой травы и глины. Споткнулась о корень, торчащий из земли, — тот самый, о который, возможно, споткнулся Данил днём.

Заднее правое колесо было новым. Чистым. С остатками заводских полосок на резине, которые ещё не стёрлись. Рядом, в траве у обочины, лежал старый пробитый скат.

Алина присела на корточки.

Сердце колотилось где-то в горле.

В боковине шины, не в протекторе, куда обычно попадают гвозди и осколки, а именно в боковой части, тонкой и уязвимой, торчал металлический штырь. Тонкий, почти ровный, с острым концом. Не гвоздь — гвозди так не входят под углом. Не осколок — слишком правильная форма.

Он был загнан в резину под странным, неестественным углом — не вертикально, а наклонно, как будто тот, кто его втыкал, делал это нарочно.

Колесо не поймало эту штуку на дороге.

Её вставили.

Намеренно.

Рассчитано.

Так, чтобы прокол случился не сразу, а через время. Через несколько километров, когда давление упадёт достаточно, чтобы водитель заметил и остановился на пустынной дороге.

Алина не сразу поднялась.

Она сидела на корточках, прижимая пальцы к холодной, мокрой траве, и смотрела на этот штырь. На негостеприимный, чужой предмет, который не должен был оказаться в шине её мужа.

Сердце билось так сильно, что гул отдавался в ушах, заглушая шум ветра и шелест деревьев.

Это не случайность.

Мысль пришла без истерики. Без крика. Без того отчаяния, которое накатило у ворот особняка. Холодная, ясная, как лезвие ножа.

Колесо не просто пробило. Это сделал кто-то.

Кто-то спланировал.

Кто-то знал, где он поедет, когда он поедет, и подготовил ловушку.

Алина медленно встала. Ноги затекли, колено хрустнуло. Она вернулась к водительской двери и теперь уже тщательнее осмотрела салон. Включила фонарик на телефоне — маленький, но резкий, беспощадный луч выхватывал детали, которые не были видны невооружённым глазом.

На ручке двери изнутри, чуть выше замка, виднелась тёмная полоска. Едва заметная — если бы не фонарик, можно было принять за грязь или потёкшую смазку. Но Алина пригляделась.

Это было не масло.

В тусклом, синеватом свете телефона полоска казалась почти чёрной, с густым, нездоровым блеском.

Алина провела пальцем рядом — не касаясь, боясь стереть это единственное пока доказательство.

Кровь.

Она не была экспертом, но видела кровь раньше — ссадины у детей во дворе, порез на кухне, носовое кровотечение после удара. И знала, как она выглядит. Как сворачивается. Как блестит, когда ещё свежая.

Совсем немного крови. Размазанная полоска, будто чья-то рука скользнула по металлу, оставив влажный след.

Рука, которая сорвалась.

Или попыталась за что-то ухватиться.

Алина выпрямилась. Дыхание стало коротким, рваным — каждый вдох давался с трудом, будто воздух загустел.

— Даня... — шепнула она в пустоту.

Ветер не ответил. Только деревья шевельнули ветками, как будто тоже слушали.

Она медленно перевела фонарик на коврик у пассажирского сиденья.

Там, между педалью и тоннелем, лежал обрывок ткани.

Чёрной. Плотной. Не от Даниловой одежды — она это поняла сразу, как только увидела. Данил носил джинсы, свитера, футболки из хлопка. Иногда — толстовки. Но эта ткань была другой. Тяжёлой, почти форменной, с матовой, не блестящей поверхностью. Такая не мнётся в руке, не скользит, висит плотной, непроницаемой завесой.

Матовой гладкостью дорогого, плотного материала.

Такой мог быть рукав. Или подол. Или внутренняя часть чьей-то мантии.

Алина взяла обрывок — он был холодным, мягким, но упругим, как кожа. Поднесла к лицу.

Никакого запаха. Или почти никакого — только лёгкая химическая нота, которую она уже уловила в салоне.

Мантия.

Женщина в чёрном.

Та, что открыла ворота. Та, что смотрела сквозь неё. Та, кто сказал: «Вам лучше уехать».

Алина медленно выпрямилась.

Теперь у неё было сразу три вещи, которые нельзя было свести к «показалось». К «со слов заявительницы». К «вы слишком накручиваете».

Подстроенный прокол.

Кровь в салоне.

Обрывок чёрной ткани.

Она достала из кармана телефон — руки дрожали так сильно, что она едва не выронила его — и начала фотографировать всё подряд.

Штырь в колесе. Крупным планом, чтобы было видно угол, глубину, странную, неправильную форму.

Кровь на ручке двери. С разных ракурсов, со вспышкой и без, в лучах фонарика.

Обрывок ткани. На коврике, на сиденье, на своей ладони для масштаба.

Номер машины. Общий план: автомобиль, лес, дорога.

Следы в грязи — чьи-то ботинки, не её, не Даниловы, потому что следы вели от водительской двери в лес, а не обратно.

Она фотографировала и чувствовала, как внутри неё что-то меняется.

Теперь уже без ошибок. Теперь уже понимая цену каждой секунды, каждой детали, каждого снимка.

Потом открыла сообщение Максиму.

Написала: «Нашла машину. Тут кровь».

Палец завис над кнопкой отправки.

Долго смотрела на экран.

И не отправила.

Почему-то именно сейчас, в темноте, под шум ветра и собственное частое дыхание, ей не хотелось ничьих советов. Ничьего «я же говорил». Ничьей паники, которая только добавит хаоса. Ни чужого здравого смысла, который в два счёта объяснит кровь обломком ржавчины от домкрата, штырь — случайной деталью с дороги, а обрывок ткани — порванной веткой.

Она убрала телефон.

Сделала глубокий вдох. Холодный воздух обжёг лёгкие.

И снова огляделась.

Слева от дороги тянулась лесополоса — густая, непролазная, с деревьями, посаженными когда-то ровными рядами, а теперь разросшимися в дикую, нечёсаную стену. Справа, между стволами, уходил в темноту едва заметный просвет. Не тропа — скорее старый лесовозный проезд, заросший травой, но всё ещё различимый по более редким деревьям и влажной, прижатой земле.

Если машину перегнали сюда, то сделали это быстро и уверенно.

Значит, это место было выбрано не случайно. Значит, они знали эту дорогу. Знали, что здесь никто не ходит, не ездит, не ищет.

Алина повернулась, собираясь обойти машину с другой стороны — проверить, нет ли там ещё каких-то следов, может быть, ключей, забытых в траве, или телефона, отброшенного в темноту.

И вдруг под подошвой что-то хрустнуло.

Не ветка. Не камень. Что-то более тонкое, металлическое, с лёгким, звенящим звуком.

Алина опустила взгляд.

На земле, почти утонув в грязи, вдавленный в мягкую землю чьим-то тяжёлым шагом, лежал маленький металлический жетон на тонкой чёрной ленте.

Она присела, подняла его.

Грязь прилипла к металлу, размазалась по пальцам. Жетон был холодным и тяжёлым не по размеру — гравировка на одной стороне, символ на другой. С одной стороны — выбитый номер. Короткий. Три цифры, которые ничего ей не сказали. С другой — круг, перечёркнутый вертикальной линией. Похожей на свечу. Или на иглу. Или на ствол дерева, растущего из центра мира.

Тот же знак она уже видела.

Не здесь.

Там. У ворот.

На панели звонка, в левом нижнем углу, почти на грани металла и камня, был выцарапан этот же символ. Тогда, днём, он не привлёк её внимания — просто случайная царапина, чья-то метка, результат детской шалости или странного дизайнерского решения. Мозг зафиксировал, но не обработал, отложил в архив ненужных подробностей.

Сейчас память вернула его так ясно, будто кто-то включил подсветку изнутри.

Это был их знак.

Особняка.

Центра.

Тех людей, которые открыли ворота, но не пустили внутрь.

Тех, кто убрал машину Данила со двора до приезда полиции.

Тех, кто оставил этот жетон здесь — случайно или намеренно, чтобы её нашли.

Алина сжала жетон в ладони так сильно, что его край врезался в кожу. Боль была острой, отрезвляющей. Металл нагревался от её тепла, но всё равно оставался чужим — холодным, чуждым, как всё, что связано с этим местом.

И в этот момент где-то в лесополосе справа снова хрустнула ветка.

Не ветер — ветер дул с другой стороны, и ветки за её спиной гнулись в противоположном направлении.

Не дождь — дождь прекратился, и даже капли с листьев почти перестали падать.

Не зверь — звери не ходят так тихо. И не останавливаются так резко.

Шаг.

Человеческий шаг. Осторожный. Нарочито медленный.

Алина медленно подняла голову.

Фары её машины, всё ещё включённые, освещали дорогу метров на двадцать. За этой границей начиналась темнота — плотная, непроницаемая, живая.

В темноте между деревьев кто-то стоял.

Силуэт. Неясный. Недвижимый. Он не приближался, но и не уходил. Просто был там, за гранью света, наблюдал.

Алина замерла.

Все звуки мира исчезли. Ветер. Деревья. Её собственное дыхание.

Остались только две вещи: холодный жетон в кулаке и тёмная фигура в лесу.

Фигура сделала шаг.

На свет.

На секунду Алина увидела край чёрной мантии, подсвеченный фарами, — ту самую, матовую, плотную ткань, обрывок которой лежал у неё в кармане.

А потом свет погас.

Не фары — в её машине всё горело ровно. Погасло что-то другое. Или кто-то другой дал команду темноте сомкнуться вокруг.

Алина моргнула — и силуэт исчез.

Будто его и не было.

Только следы на мокрой земле — отпечатки тяжёлых ботинок, ведущие в глубину леса.

Она стояла, прижимая жетон к груди, и слушала, как бешено колотится сердце.

Ей не показалось.

Она видела.

И её видели.

Теперь они знают, что она здесь.

Теперь игра началась.

Глава 5. Тот, кто смотрел из леса

Человек в лесополосе не двигался.

Алина увидела его не сразу — только силуэт между стволами, смутную вертикальную тень на фоне серого, едва различимого просвета. Деревья стояли плотно, старые сосны с ободранной корой и молодые берёзы с тонкими, как пальцы, ветвями, и среди этого беспорядочного, дикого леса фигура казалась единственным правильным, единственным намеренным элементом.

Высокий. Тёмный. Слишком неподвижный для случайного прохожего, забредшего в глухую лесополосу ночью.

Ни лица, ни одежды толком нельзя было разглядеть — только очертания плеч, более тёмное пятно там, где должна была быть голова, и странный, неестественный наклон корпуса, будто человек стоял не прямо, а чуть согнувшись, прислушиваясь или присматриваясь.

Но этого оказалось достаточно, чтобы внутри Алины всё сжалось.

Он наблюдал.

Не приближался. Не окликал. Не прятался по-настоящему — не уходил в глубину леса, не прятался за стволы, не делал вид, что его здесь нет. Просто стоял и смотрел, как она ползает вокруг брошенной машины, как фотографирует следы, как замирает перед дверью. Смотрел с тем особым, неспешным вниманием, которое бывает у людей, уверенных, что их не заметят. Или которым всё равно, заметят или нет.

Алина инстинктивно шагнула назад — настолько резко, что каблук кроссовки ушёл в грязь по щиколотку. Она едва удержала равновесие, выставив в сторону руку с телефоном. Свет фонарика метнулся в сторону леса, выхватил на секунду стволы, кусты, пустоту — и снова потерял фигуру.

Она перевела дыхание и шагнула ближе к своей машине. Одна рука всё ещё сжимала телефон, хотя пальцы затекли и почти не чувствовали пластика. Другая — маленький металлический жетон, который она так и не убрала в карман. Его край впивался в ладонь, но боль не отвлекала, а наоборот, держала в реальности, не давала провалиться в панику.

В кармане куртки лежал перцовый баллончик. Маленький, чёрный, купленный два года назад в переходе метро. Она ни разу не пользовалась им — даже не вынимала из упаковки. И сейчас, когда её пальцы нащупали холодный пластик, она вдруг осознала, что не помнит, как снимается предохранитель, не помнит, на какое расстояние бьёт струя, не знает, успеет ли вообще вытащить его, если понадобится.

Впервые она по-настоящему пожалела, что носила его просто как формальное успокоение, как талисман, в который сама не верила.

Силуэт в лесу сделал шаг в сторону.

Потом ещё один.

Не к ней — вглубь деревьев, к той самой просёлочной дороге, откуда она приехала. Будто проверял, заметила ли она его. Будто давал ей шанс сделать выбор: остаться или уйти, заговорить или промолчать.

Алина замерла.

Правильнее всего было бы сейчас сесть в машину. Запереть дверь изнутри — хотя замки в старой «Хонде» щёлкали так громко, что их было слышно на всю округу. Завести двигатель — и уехать. Увезти улики в полицию. Отправить фото знакомым. Перестать играть в человека, который может один, ночью, в глухом лесу разбираться с тем, что пахнет похищением, кровью и чёрными мантиями.

Но именно это движение в сторону — не бегство, не атака, даже не попытка спрятаться — зацепило её сильнее страха.

Он что, хотел, чтобы она пошла следом?

Или, наоборот, был уверен, что она не пойдёт?

Секунда растянулась в три, в пять, в десять. Ветер стих, будто тоже затаил дыхание. Где-то в глубине лесополосы ухнула сова — звук был глухим, не зловещим, а скорее удивлённым, словно ночная птица недоумевала, зачем люди пришли в её владения.

И в следующую секунду тень резко сорвалась с места и исчезла между деревьями.

Алина сама не поняла, в какой момент побежала за ней.

Только услышала собственные шаги по мокрой, размокшей земле — чавкающие, тяжёлые, непривычно громкие в лесной тишине. Только почувствовала, как ветки бьют по рукавам, по лицу, оставляя мокрые, холодные следы. Только ощутила, как телефон в руке дёргается в такт бегу, а свет фонарика прыгает по стволам, кустам, пустоте, выхватывая обрывки картинки, не давая собрать цельную.

— Эй! — крикнула она. Голос сорвался, прозвучал хрипло, почти по-звериному. — Стой! Стой, пожалуйста!

Никто не ответил.

Впереди, на границе света, снова мелькнула тень — краем плеча, полрой одежды, чем-то, что колыхнулось и сразу пропало.

Алина ускорилаь. Подошва кроссовки скользнула по мокрой глине, она едва не упала на колено, схватилась за тонкий, скользкий ствол молодой берёзы, ободрала ладонь о кору, но удержалась. Боль отозвалась короткой, острой вспышкой в запястье — и тут же утонула в адреналине.

Лесополоса оказалась глубже и сложнее, чем казалась с дороги. За первыми рядами деревьев, посаженных когда-то ровными линиями, начиналась старая, дикая посадка — то ли лес, оставленный на вырубку и заброшенный, то ли естественная чаща, в которую человек почти не заглядывал. Здесь стволы росли вкривь и вкось, ветки переплетались в сплошной, непроходимый полог, а земля была изрыта то ли кабанами, то ли старыми корнями, вывернутыми временем.

Местами тропа — если это была тропа, а не просто просвет между кустами — сворачивала так резко, что Алина налетала на ветки грудью, прикрывая лицо локтями.

Справа снова хрустнула ветка — уже близко, почти рядом.

Она свернула туда, почти вслепую доверяясь слуху, и почти налетела на проволоку.

Та была натянута между двумя низкими, врытыми в землю столбами — почти незаметными в темноте, обросшими мхом и лишайником. Ржавая, с толстыми узлами, где-то порванная и снова связанная. Алина успела отшатнуться в последний момент — так резко, что телесную инерцию пришлось гасить спиной о соседний ствол. Кора впилась в лопатки. Проволока скользнула в нескольких сантиметрах от лица, оставив в воздухе металлический, кислый запах.

Ловушка.

Простейшая, грубая, но не случайная.

Её поставили не на зверя — слишком высоко для капкана, слишком тонко для ограждения.

Кто-то здесь ходил регулярно. Знакомой тропой. И не хотел, чтобы по ней же, в темноте, бежали чужие, не предупреждённые.

Сердце колотилось уже где-то в горле — Алина физически чувствовала его удары, пульсирующие в висках, в кончиках пальцев, в том месте под коленями, где обычно ничего не ощущается. Она стояла, тяжело дыша, прижавшись спиной к дереву, и только теперь поняла, что вокруг снова тихо.

Слишком тихо.

Ветер стих окончательно. Дождь прекратился. Даже далёкие звуки трассы исчезли — будто невидимая стена опустилась между этим клочком леса и остальным миром.

И шагов больше не было слышно.

Тень исчезла.

Алина поводила фонариком из стороны в сторону — выхватила пустой просвет между деревьями, комель старой сосны, куст с мокрыми, тяжёлыми листьями, собственную тень, прыгающую по стволам.

Никого.

— Чёрт, — выдохнула она, и звук собственного голоса показался ей чужим — слишком громким, слишком живым для этого мёртвого, безмолвного места.

Телефон в руке дрогнул.

Короткая вибрация — входящее сообщение.

Алина опустила взгляд на экран. Свет фонарика всё ещё горел, но она машинально отвела его в сторону, чтобы не слепить себя.

Неизвестный номер.

Всего два слова:

«Уезжай сейчас».

У неё будто отнялись пальцы.

Телефон едва не выскользнул, она перехватила его в последний момент, сжала так сильно, что пластик затрещал.

Уезжай сейчас.

Кто-то видел её. Кто-то знал её номер. И не просто знал, а находился достаточно близко — достаточно близко, чтобы понять: сообщение попадёт в руки именно в тот момент, когда она остановится, запыхавшаяся, испуганная, одна.

Алина медленно подняла голову.

Осветила деревья перед собой.

Ничего.

Повернулась в другую сторону.

Только стволы. Только мокрая, блестящая кора. Только чернота между ветвями, в которой можно было спрятать что угодно — и кого угодно.

Снова посмотрела на экран.

Номер был обычным, мобильным, без маскировки. Не заблокированный, не анонимный сервис. Просто незнакомый. Чужой. Не из её списка контактов.

Значит, кто-то не просто видел её сегодня.

Кто-то следил за ней дольше.

Знал маршрут. Знал машину. Знал, что она приедет сюда ночью, одна, и будет искать следы.

И теперь наблюдал, сидя в темноте, и писал ей на телефон.

Слева, совсем близко, послышался странный звук.

Не шаг. Не треск ветки. Не голос.

Что-то другое — низкое, хриплое, обрывистое. Похожее на короткий стон. Или на свистящий вдох, который рвётся из груди человека, которому трудно дышать.

Алина резко повернулась, нащаривая фонариком источник звука.

Луч света упал на густой, почти непролазный кустарник — старую, одичавшую сирень, переплетённую с ежевикой. И за этой колючей, живой изгородью — силуэт.

Человек сидел на земле.

Алина дёрнулась назад так сильно, что спина ударилась о соседний ствол, а воздух из лёгких вышибло коротким, паническим выдохом. Телефон дёрнулся в руке, свет метнулся вверх, выхватил чёрные ветки, низкое облачное небо — и снова упал вниз, на фигуру.

Человек сидел, привалившись спиной к старому, трухлявому пню, вокруг которого земля была вытоптана — не свежо, а неделями, месяцами, будто здесь была стоянка или место для

отдыха, куда возвращались снова и снова. Он щурился от яркого света, прикрывая глаза ладонью, и это было похоже на жест человека, который давно не видел нормального освещения.

Мужчина.

Возраст определить было трудно — в темноте, при дрожащем свете телефона, все лица выглядели старше. Но Алина увидела глубокие морщины на лбу, седину в нечёсаной бороде, запавшие щёки. Кожа была бледной — не той здоровой бледностью, которая бывает от недостатка солнца, а болезненной, землистой, как у человека, который плохо ест и почти не спит.

Куртка на нём была грязная, со следами засохшей грязи, порванная на локте — дыра была затянута грубой ниткой, неаккуратно, наспех. Обувь — тяжёлые ботинки, облепленные глиной. Один шнурок развязался и волочился по земле.

На шее болтался чёрный шнурок — такой же, как у жетона, который Алина сжимала в руке. Только сам жетон отсутствовал. Только пустой шнурок, завязанный узлом, чтобы не потерялся.

Один рукав куртки был тёмным, мокрым, неестественно тяжёлым — либо от воды, смешанной с грязью, либо от крови.

Мужчина смотрел на неё снизу вверх с тем затравленным, настороженным выражением, которое бывает у людей, уже не уверенных, что перед ними реальность. Такие глаза бывают у тех, кто слишком долго ждал помощи и перестал в неё верить. Или у тех, кто слишком много раз ошибался, доверяя не тем.

Он шевельнул губами, но звук не сразу вышел — только сухой, горловой хрип.

— Не свети, — прохрипел он наконец. Голос был низким, срывающимся, как будто горло царапало стекло. — Пожалуйста. Не свети в лицо.

Алина опустила телефон чуть ниже, направив луч на землю между ними, чтобы оставался рассеянный, не слепящий свет. Но фонарик не выключила.

— Кто вы? — спросила она.

Голос прозвучал твёрже, чем она ожидала — может быть, потому что адреналин ещё не отпустил, может быть, потому что отступать было уже некуда.

Мужчина не ответил сразу. Он провёл ладонью по губам — сухо, механически, будто собирая остатки сил для разговора. Пальцы у него были грязными, с чёрными ободками под ногтями.

— Ты не от них, — сказал он наконец.

Это был не вопрос.

Алина сделала осторожный шаг ближе, обходя колючие ветки кустарника. Под ногами хлюпала грязь, и каждый шаг оставлял глубокий, чавкающий след.

— Кто вы? — повторила она. — Что здесь происходит?

Мужчина коротко усмехнулся — сухо, без тени веселья, одним движением губ, которое скорее напоминало гримасу боли.

— Если бы я знал, как это назвать нормально, — сказал он, — я бы, наверное, уже смог выбраться.

Алина замерла.

Выбраться.

Значит, он не просто заблудившийся грибник и не случайный бездомный, устроивший ночлег в лесу. Он был там, за воротами. Внутри. Он бежал.

Её взгляд метнулся к его рукам — туда, где рукава куртки были закатаны до середины предплечий. На запястьях, в тусклом свете телефона, виднелись тёмные следы. Не свежие — заживающие, превращающиеся в неровные коричневые полосы. Похожие на старые ссадины. Или на следы от ремней — широких, жёстких, оставляющих долгую память.

— Вы были там? — тихо спросила Алина. — В доме?

Мужчина закрыл глаза. На секунду его лицо стало непроницаемым — не отстранённым, а скорее защищённым, как будто он уходил внутрь себя, в место, куда не могли добраться ни вопросы, ни свет.

— Не говори «доме», — сказал он, открывая глаза. — Это не дом.

— Тогда что?

— Поздно разбираться в названиях, — хрипло ответил он. — Уходи отсюда.

То же самое.

Уезжай. Уходи.

Все, кто был связан с этим местом — женщина в мантии у ворот, теперь этот человек в лесу — почему-то говорили одно и то же. Не объясняя. Не помогая. Просто отталкивая от края, в который сами уже когда-то провалились. Как будто хотели спасти её от того, через что прошли сами. Но спасали молчанием.

— Моего мужа забрали, — сказала Алина.

Она не планировала говорить это незнакомцу в лесу. Не планировала произносить эти слова вообще — полицейских, Максима, даже себя в зеркале заднего вида. Но сейчас они вырвались сами, и собственный голос показался ей слишком ровным — тем особым, опасным спокойствием, которое приходит, когда отчаяние переваливает через край и становится похоже на расслабленность.

— Я нашла его машину, — продолжала она, глядя мужчине прямо в глаза, чтобы он видел: это не истерика. Это факт. — Здесь, в лесу. Колесо было пробито нарочно. В салоне кровь. Кусок чёрной ткани — от мантии. У ворот мне открыла женщина в такой же. Сказала, что его здесь нет. Сказала, чтобы я уезжала. Вы знаете, кто они?

Мужчина смотрел на неё долго — так долго, что Алина успела услышать, как в тишине падает с ветки капля, как далеко, на трассе, едва слышно шуршат шины одинокой машины.

— Как выглядела? — резко спросил он. В его голосе прорезалось нечто новое — не страх, а профессиональное, почти хищное внимание. — Женщина в чёрном. Как она выглядела?

Алина припомнила — каждую деталь, каждый жест, каждую интонацию.

— Высокая, — сказала она. — Прямая. Спокойная — слишком спокойная для того часа и того разговора. Лица почти не видно — капюшон, падающий на лоб, тень под глазами. Голос ровный, будто она отвечает на звонок в колл-центре. И... она не возражала, когда я сказала, что вызову полицию. Вообще не испугалась.

Мужчина отвернулся, и Алине показалось, что она слышит, как скрипят его зубы.

— Марта, — сказал он. Имя прозвучало как приговор. — Или одна из старших. Неважно. Если Марта — значит, ты права. Он там.

— Кто вы такой? — спросила Алина в третий раз, пододвигаясь ещё ближе.

Он посмотрел на неё уже внимательнее — будто впервые увидел не просто фигуру с фонариком, а человека с памятью, с вопросом, с правом на ответ.

— Я был там, — сказал он. — Достаточно?

— Как вас зовут?

— Сергей.

Имя ничего ей не дало. Но то, как он его произнёс — коротко, с запинкой, будто пробуя на вкус, — показалось Алине странным. Словно он давно не называл себя вслух. Словно в том месте, откуда он бежал, у людей не было имён.

— Они держат там людей? — спросила Алина. — Против воли?

Сергей долго молчал.

Опустил голову, посмотрел на свои руки — грязные, с тёмными полосами на запястьях — и не ответил сразу. Пауза затянулась так, что Алина уже решила: он не скажет ничего. Или скажет «уйди», как все остальные.

Но он заговорил.

— Они не называют это «держат», — произнёс он медленно, будто каждое слово отдирали от стенок памяти. — У них своя терминология. Очищение. Перерождение. Отказ от прежнего. Любят красивые слова. Любят, когда грязное дело обёрнуто в чистую бумагу.

— Моего мужа похитили, — сказала Алина. Не спросила. Утвердила.

— Возможно.

— Что значит «возможно»?

Сергей поднял на неё глаза. В них было что-то, чего она не могла прочесть — не сочувствие, не предостережение. Опыт.

— Иногда они действительно забирают силой, — сказал он. — Иногда ломают так — ломают голову, волю, память, — что человек потом сам говорит, что остался добровольно. Искренне говорит. И не помнит, что было в первый день.

От этой фразы холод пробежал по спине Алины медленнее и глубже, чем от всего предыдущего. От женщины в мантии. От крови в машине. От жетона в руке.

Она представила Данила — его живое, открытое лицо, его быструю улыбку, его привычку тереть переносицу, когда он задумывался. И в ту же секунду представила его другим — пустым, с отсутствующим взглядом, повторяющим чужие слова.

— Где он? — спросила она. Голос дрогнул, но она заставила себя не отводить взгляд. — В особняке? На территории?

Сергей всмотрелся куда-то за её плечо — в ту сторону, откуда она прибежала, где осталась её машина с включёнными фарами. Выражение его лица резко изменилось.

Не страх.

Хуже.

Привычка к страху — та особая, ровная настороженность, которая не поднимает пульс, а наоборот, замедляет его, готовя тело к тому, что обычная жизнь сейчас кончится.

— Тише, — прошептал он.

Алина обернулась.

Сначала ничего не увидела. Только стволы, и кусты, и бесконечную, живую темноту между ними.

Потом, далеко, метрах в сорока — может быть, больше — между деревьями мелькнул луч света.

Узкий, белый, хирургически чистый. Он скользнул по земле, по стволам, поднялся вверх, на секунду завис на переплетении веток — и погас.

Через секунду другой луч. Тоже белый, тоже узкий. И третий.

Фонарики.

Не один.

Не два.

Кто-то шёл через посадку. Не спеша. Не прячась. С освещением, которое не оставляло темноте ни одного шанса.

Они не искали — они прочёсывали.

Сергей дёрнулся, пытаясь подняться. Лицо его исказилось — он прижал руку к боку, там, где куртка была особенно тёмной и мокрой. Сквозь зубы вырвался короткий, свистящий выдох. Он почти упал обратно на землю, удержавшись на локте.

— Они ищут меня, — быстро сказал он, не глядя на Алину — туда, где мерцали лучи. — Теперь и тебя тоже.

— Кто вы для них? — спросила Алина, приседая рядом с ним.

— Ошибка, — прошептал он. — Я слишком много запомнил.

Луч света снова качнулся между деревьями — теперь ближе. Ближе на десяток метров, не меньше. Алина услышала шаги — негромкие, осторожные, но уверенные. Шаги людей, которые знают лес и не боятся в нём темноты.

Она присела рядом с Сергеем — низко, почти на корточки, чувствуя, как холодная, мокрая земля давит на колени сквозь джинсы. Серёг пошевелился, пытаясь подтянуть ноги, чтобы стать компактнее, но каждое движение давалось ему с трудом.

— Вы можете идти? — спросила она.

— Если очень надо, — ответил он. Голос звучал ровнее, чем она ожидала.

— Тогда вставайте.

Он попытался опереться на ствол, но рука соскользнула по мокрой, скользкой коре. Алина схватила его под локоть — там, где куртка была порвана, и сквозь дыру пальцы коснулись холодной, липкой кожи. Не крови — пота. Или дождевой воды. Сергей оказался легче, чем выглядел, и гораздо слабее, чем хотел казаться. Его вес почти не чувствовался — будто она поднимала не тело, а тень, оболочку, внутри которой почти ничего не осталось.

От него пахло сыростью, потом — резким, кислым — и каким-то горьким, травянистым лекарством, которое Алина не могла узнать.

Лучи фонарей стали ярче. Раздался голос — негромкий, спокойный, без крика, но чёткий, как по линейке:

— По сторонам смотрите. Уйти далеко не мог.

Алина замерла. Голос был мужской — низкий, вязкий, без интонации, почти механический. Голос человека, который отдаёт приказы, потому что привык, что их выполняют.

— Не на дорогу, — быстро прошептал Сергей, склоняясь к её уху. Губы его почти касались её волос. — Там увидят твою машину. Поймут, где ты.

— Куда тогда?

— Есть старая канава за посадкой. Если пройти по ней, выйдем к заброшенной ферме. Оттуда можно к трассе — другой, не главной.

— Почему я должна вам верить? — спросила Алина.

Вопрос прозвучал жёстче, чем она хотела. Но Сергей не обиделся. Он посмотрел на неё прямо — впервые за весь разговор — и ответил без пафоса, просто:

— Не должна. Но если останешься здесь, через две минуты будешь разговаривать не со мной.

Это было достаточно убедительно.

Они двинулись.

Сначала медленно, почти ползком, пригибаясь под низкими ветвями. Сергей шёл, опираясь на её плечо тяжелее, чем она ожидала, но стараясь не заваливаться на неё всем весом. Каждый шаг давался ему с хрипом — негромким, сдержанным, но Алина слышала его даже сквозь шум собственного дыхания.

Сзади, в глубине леса, лучи фонарей шарили по земле, выхватывая стволы, кусты, пустоту. Один раз свет прошёлся по вершинам деревьев, и на секунду всё вокруг стало белым, безжизненным, как рентгеновский снимок.

Алина тащила Сергея, чувствуя, как вязнет обувь в мокрой земле, как ноют руки от напряжения, как громко — неприлично громко — звучит каждый её шаг, каждый вздох. Казалось, вся лесополоса сейчас слышит их и указывает путь охотникам.

Сергей указал вперёд дрожащей рукой:

— Туда. Видишь провал?

Алина не увидела сразу. Только чёрные стволы, только ветки, цепляющие за волосы. Потом, метрах в пятнадцати, она различила тёмную полосу в земле — неровную, глубокую, протянувшуюся параллельно дороге.

Старая осушительная канава. Заросшая бурьяном, молодыми кустами, местами залитая водой. Но в ней можно было двигаться почти невидимо сверху — если пригнуться достаточно низко.

Они начали спускаться.

Край канавы был крутым, скользким от грязи. Алина сползла первой, увлекая Сергея за собой. Он оступился, упал на одно колено, выругался сквозь зубы — тихо, с тоской — и поднялся без её помощи, будто стыдился своей слабости.

Внизу пахло гнилью, мокрой травой, застоявшейся, мутной водой, в которой отражалось низкое, беззвёздное небо. Стены канавы были неровными, кое-где подмытыми, кое-где укреплёнными старыми, полусгнившими досками. Дно хлюпало под ногами — не глубоко, по щиколотку, но вода была ледяной, и холод проник сквозь джинсы мгновенно, обжигая кожу.

Алина включила фонарик на телефоне — уже в канаве, когда поняла, что без света они не увидят даже собственных ног. Луч был слабым — батарея садилась, красный индикатор мигал на экране — но хоть что-то.

Сергей дёрнул её за рукав.

— Не включай! — прошипел он. — Заметят.

— Я не вижу.

— Не надо видеть. Надо не быть.

Она послушалась. Погасила свет.

Теперь они двигались почти на ощупь — медленно, выставив руки вперёд, чтобы не налететь на корни или упавшие ветки. Вода хлюпала под ногами. Где-то сверху, над их головами, снова мелькнул луч чужого фонаря — прочертил по краю канавы, почти задел макушки, но ушёл дальше.

Они замерли. Не дышали.

Шаги над ними.

Голоса — уже ближе, чем хотелось бы.

— Разделяйтесь, — сказал первый, тот самый, с низким, вязким голосом. — Один — по правой стороне, второй — по левой. Я пройду по середине.

— Если найдём? — спросил другой, моложе, с ноткой неуверенности.

— Докладывай. Не трогай.

Алина зажала рот ладонью. Сергей рядом замер, превратившись в камень. Она чувствовала его напряжение — как мышцы под рукой стали жёсткими, как дыхание замедлилось почти до полной остановки.

Шаги прошли метрах в трёх над их головами.

Потом ещё шаги — с другой стороны.

Сергей медленно, не разжимая губ, выдохнул.

Голос — тот, низкий — произнёс совсем рядом:

— Она была здесь.

Алина не сразу поняла, что речь идёт о ней. Мозг отказывался связывать местоимение с собственной персоной.

— Машина у дороги, — ответил второй голос.

— Значит, далеко не ушла.

Короткая пауза. Алина представила, как они стоят над канавой — метрах в пяти от них, может, ближе. Луч фонаря скользнул по краю, задержался на секунду на корнях, торчащих из земли, — и ушёл в сторону.

— Живой нужен только он, — сказал первый голос. — Женщину трогать нельзя без указания.

Женщину.

Секунду Алина не понимала. Потом поняла всё сразу.

Речь шла о ней.

Не «если найдёте». Не «кто-то посторонний». Они уже знали, кто она. Знали её лицо. Знали её машину. Знали, что она приедет. И знали, что с ней пока нельзя делать.

Не потому, что жалели. А потому, что были правила. Иерархия. Порядок, в котором даже у похищения были свои ступени, а у насилия — своя очередь.

Сергей медленно повернул к ней голову. Алина не видела его лица в темноте, но почувствовала его взгляд — тяжёлый, понимающий.

— Теперь поняла? — прошептал он едва слышно.

Она не ответила.

Шаги начали удаляться. Медленно, неохотно, будто те, кому они принадлежали, не верили, что поиски можно прекращать просто так. Потом затихли совсем.

Алина ждала. Считала удары сердца. На пятнадцатом — не выдержала, тихо выдохнула.

Сергей тяжело опёрся о стенку канавы. Его дыхание было неровным, прерывистым — не только от усталости, но и от боли.

— Они вернутся? — спросила Алина шёпотом.

— Не сегодня, — ответил он. — У них вечерняя церемония. Они не пропускают её ради одной беглянки и одной... — он запнулся, подбирая слово, — одной жены.

В его голосе не было насмешки. Только усталость.

Алина помогла ему подняться выше, туда, где канава мелела, а земля становилась твёрже. Они сели на примятую траву — прямо на землю, потому что сил стоять уже не было. Вода с джинсов капала на пожухлые листья.

— Если хочешь вытащить мужа, — сказал Сергей, глядя куда-то в сторону темноты, — тебе нужен не вход через ворота.

— А какой? — спросила Алина.

Он повернулся к ней. В темноте его лица почти не было видно — только две глубокие тени вместо глаз и бледный овал там, где свет всё же пробивался сквозь кроны.

— Через тех, кто сам идёт к ним добровольно, — сказал Сергей.

— Добровольно?

— Да. Новички. Те, кто приходит с улицы. За «новой жизнью». За помощью. За смыслом. Их принимают не через ворота — их приводят с чёрного хода, через старый сад. Там другая калитка. Там нет камер.

Алина замерла.

— Откуда вы знаете?

Сергей долго молчал.

— Потому что я сам пришёл туда так, — сказал он наконец. — Добровольцем.

И замолчал.

Ночь вокруг них сгустилась ещё плотнее. Ветер, стихший было, снова начал шевелить ветки, и они зашептались о чём-то своём — о тех, кто ушёл, и о тех, кто остался.

Алина сидела в темноте, прижимая к груди чужой жетон, и смотрела на восток, где за лесом начинался рассвет — ещё не видимый, но уже чувствуемый по лёгкому, едва заметному посветлению неба.

Она не знала, верить ли этому человеку. Не знала, сможет ли когда-нибудь доверять тому, что слышит в этом лесу.

Но знала другое.

Она вернётся.

Не через ворота.

Через чёрный ход.

Через старый сад.

Через тех, кто приходит добровольно.

Потому что другого пути не было.

Глава 6. Войти самой

Они просидели в канаве ещё минут десять, хотя Алине казалось — час.

Канавы была неудобной — стены осыпались, дно хлюпало под ногами холодной, мутной водой, в которой отражалось низкое, беззвёздное небо. Глина липла к джинсам, забивалась под ногти, оставляла на одежде тёмные, въедливые разводы. Алина сидела, подобрав колени к груди, и чувствовала, как холод поднимается от ступней выше, добирается до коленей, до бёдер, до поясицы, превращая тело в одну сплошную, ноющую ледяную массу.

Сергей привалился плечом к глинистой стенке канавы и дышал тяжело, но ровнее, чем раньше. Его дыхание было прерывистым, с хрипом — не тем, хрипом курильщика, а тем, что бывает у людей, чьи рёбра помнят чужую тяжесть. В темноте, при слабом, умирающем свете телефона, который Алина изредка включала, чтобы проверить время, он казался не человеком, а каким-то остатком человека — севшим голосом, рваными движениями, усталостью, въевшейся глубже кожи, глубже мышц, в самую кость.

Сверху давно стихли шаги. Исчезли лучи фонарей. Голоса утонули в шорохе веток и далёком, едва слышном гуле трассы. Лес снова стал обычной тёмной массой — ветки, сырость, редкие звуки ночной жизни, ничего человеческого.

Но тело Алины не верило в безопасность. Оно всё ещё ждало. Ждало, что кто-то заглянет сверху вниз — спокойно, без злорадства, — и скажет ровным, ничего не выражающим голосом: «Вот вы где». И всё закончится быстрее, чем она успеет вскрикнуть.

— Они ушли? — шепнула Алина, хотя знала, что Сергей не может знать наверняка.

— Ненадолго, — ответил он, и голос его прозвучал глухо, будто шёл из-под земли. — Такие не уходят совсем. Просто делают круг больше.

— Больше?

— Да. У них всегда следующий круг. И следующий. И следующий. Они не умеют останавливаться.

Ей стало холодно. Не от сырости — от того, с какой будничной, почти скучающей интонацией он это сказал. Словно описывал расписание электричек.

— Нам нужно выбраться, — сказала Алина. Голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. Решимость, пробившаяся сквозь усталость.

— Да, — кивнул Сергей.

— К машине.

Он покачал головой. Медленно, как будто каждое движение давалось ему через боль.

— Не сейчас. Сейчас они ещё близко. Если мы вылезем на открытое место, нас увидят. Если твоя машина дернётся с места сразу после обхода, они поймут, что ты не одна. Что кто-то подсказал. И тогда... — он замолчал, подбирая слова, — тогда начнут искать не жену пропавшего мужчины. А связку.

Слово «связка» прозвучало почти по-деловому. Безэмоционально. Так говорят о комплектующих деталях.

— А что, если они уже нашли машину? — спросила Алина. — Увидели её, запомнили номер?

— Нашли бы — сказали бы по рации. Я не слышал. И ты не слышала. — Он чуть повернул голову, прислушиваясь к чему-то, чего Алина не различала. — Значит, пока нет. Но это вопрос времени.

Она молчала, пытаясь успокоить дыхание и собрать мысли в прямую, работающую линию. Только сейчас, когда первая волна страха немного схлынула — не исчезла, а просто отошла на шаг, давая передохнуть, — до неё начала доходить простая, ледяная реальность происходящего.

Она сидит ночью в грязной канаве, в глухом лесу, на территории, где её уже заметили и классифицировали. Рядом с ней — незнакомый мужчина, грязный, больной, с тёмными следами на запястьях, который утверждает, что сбежал из закрытой общины, где, возможно, держат её мужа. За несколько метров, там, где деревья стоят плотной, непроницаемой стеной, полчаса назад ходили люди — живые, реальные люди с фонариками и рациями — и обсуждали её как проблему, для которой у них существуют внутренние правила.

«Женщину трогать нельзя без указания».

Она прокручивала эту фразу в голове снова и снова, и каждый раз она звучала иначе. То как надежда — «пока нельзя, может, и не тронут». То как угроза — «но у указания есть свойство приходить». То как приговор — «они уже думают о тебе, уже обсуждают, уже решили, что с тобой делать, не спросив тебя».

Её жизнь ещё утром была устроена иначе. Она помнила это с почти физической болью: кофе на кухне, тёплая вмятина на простыне, голос Данила, который говорит «Не пропаду». Это было всего тринадцать часов назад. Четырнадцать. Она перестала считать.

Теперь этот мир — мокрая глина, гнилой запах, чужие шаги в темноте — был единственной реальностью.

— Кто они? — спросила она наконец. Ей нужны были не общие слова. Не метафоры. Имена. Названия. Система. — Кто именно? Не «плохие люди». Не «секта». Расскажи мне, как ты рассказывал бы следователю, если бы он верил.

Сергей потер лицо ладонью. Жест был медленным, усталым, почти механическим. Пальцы его дрожали — мелкой, нервной дрожью, которую невозможно было скрыть.

— Снаружи, — начал он, подбирая слова, как собирают по осколкам разбитую вазу, — они называются «Дом Обновления». Частный благотворительный центр. Закрытые программы психологической помощи. Ретрит. Место, куда приезжают богатые, уставшие, сломанные люди, чтобы «найти себя». У них есть сайт. Красивый. С фотографиями улыбающихся женщин и мужчин в светлых одеждах. Есть отзывы — настоящие, от тех, кто уехал и до сих пор верит, что им помогли. Есть кураторы в городе, которые рекомендуют центр своим клиентам, когда обычная терапия «не справляется». Есть рекомендации, благодарственные письма, закрытые форумы для «прошедших программу».

Он говорил медленно, с остановками, будто вытаскивал каждое слово из места, где оно застряло.

— А внутри? — спросила Алина. Ей нужно было не описание фасада. Ей нужно было то, что за ним.

— Внутри — система, — сказал Сергей. И слово это, произнесённое без пафоса, без драматического шёпота, без подчёркивания, прозвучало страшнее любых эпитетов.

— Какая система?

Он помолчал. В темноте канавы его лица почти не было видно — только смутный овал, две глубоких тени вместо глаз и бледный, едва различимый контур щеки.

— Сначала тебя не ломают, — сказал он. — Сначала тебя раздевают. Не физически. Изнутри. Узнают, чего ты боишься. Кого любишь. В чём себя винишь. Что тебе стыдно вспоминать по ночам. Что ты очень хочешь забыть — но не можешь, потому что память держится. И потом всё это называют твоей болезнью. А себя — лечением.

Он перевёл дыхание. Хрип в груди стал громче.

— Первое время кажется, что тебя наконец поняли. Впервые за много лет. Ты плачешь на исповедях, благодаришь наставников, подписываешь бумаги, которые не читаешь, потому что тебе сказали — «это для твоей же безопасности». Забирают телефон сразу, в первый час. Говорят — чтобы не отвлекал. Чтобы ты смог погрузиться в себя. И ты веришь. Потому что хочешь верить.

Алина слушала, не перебивая. Холод, вьедшийся в позвоночник, казался теперь не только физическим. Он шёл изнутри.

— Потом начинается режим, — продолжил Сергей. — Тишина. Молчание. Часы медитаций. Дневники, которые проверяют. Исповеди — открытые, групповые, где ты должен рассказывать самое болезненное, а другие кивают и не осуждают, потому что они тоже «проходят путь». Ночью будят. Не для жестокости — для «сессий преодоления». Днём не дают остаться одной. Сначала тебе кажется, что просто устала. Потом — что действительно сломана, раз не можешь справиться с такой простой программой. Потом — что только они знают, как тебя держать на плаву. И тогда уже не важно, есть ли замок на двери. Человек сам начинает бояться выйти. Потому что снаружи — опасность, срыв, возвращение в ту пустоту, из которой его вытащили.

В темноте канавы слова эти ложились на Алину, как камни. Один за другим. Тяжёлые. Холодные. Неумолимые.

Не как рассказ о секте из телевизионного репортажа. Как технология. Пошаговая. Проверенная. Работающая.

— Почему ты там оказался? — спросила Алина тихо, почти шёпотом, будто боялась, что громкий звук разбудит что-то, что лучше оставить спящим.

Сергей не ответил сразу. Долго сидел, уставившись в одну точку на противоположной стене канавы, где глина была влажной и блестела в редких отблесках.

— После аварии, — сказал он наконец. Голос его сел окончательно, превратившись в хриплый шёпот. — Жена погибла. На месте. Я остался. Не весь — но формально остался. Я пил. Не спал. Срывался на людях. Потерял работу, потом другую, потом перестал искать. Кто-то из знакомых — не помню уже кто — посоветовал центр. Сказал: частный, дорогой, без огласки. Работают с тяжёлыми случаями. Берут тех, от кого отказалась обычная психиатрия.

Он коротко усмехнулся — тем горьким, сухим смехом, который не имеет ничего общего с весельем.

— Работают. Да.

— И ты поехал сам? — переспросила Алина. Ей нужно было услышать это снова, чтобы понять.

— Сам. Заплатил. Подписал. Приехал. Думал, что это последний шанс. Что если не здесь — то вообще нигде. Что хуже уже не будет.

Слово «сам» повисло между ними, как доказательство. Как самый страшный аргумент в пользу системы.

Алина впервые по-настоящему поняла, что имел в виду Сергей, когда говорил о добровольном входе. Не нужно было похищать каждого. Достаточно построить место, куда часть людей придёт на своих ногах — с надеждой, с виной, с пустотой внутри, которую нечем заполнить. Остальных уже можно дожимать иначе.

— Почему ты сбежал? — спросила она.

Он долго молчал. Так долго, что Алина уже решила — не ответит. Или ответит «неважно», «не твоё дело», «забудь».

— Потому что один парень умер, — сказал он.

В канаве стало тише, чем было. Тишина стала плотной, почти осязаемой.

— Что? — Алина повернулась к нему всем телом, забыв о холоде, о мокрой одежде, об усталости.

— Официально — сердце. Или срыв. Или «несовместимость с программой». У них много аккуратных слов, — Сергей говорил, не поднимая головы, глядя в землю. — Но я видел, как его ломали. Долго. Неделями. Методично. Он пытался уйти — его отговорили. Потом звонил жене — ему сказали, что так он её травмирует. Потом просил документы — ему дали подписать бумагу, что он остаётся добровольно. Он подписал. Я видел его глаза. Там уже не было человека.

Сергей замолчал. По его лицу Алина не могла понять — плачет он или нет. В темноте слёз не видно.

— А через неделю его не стало, — закончил Сергей.

— Они... убивают людей?

Вопрос прозвучал глупо. По-детски. Как будто если бы она услышала ответ «нет», всё стало бы легче.

— Они создают условия, в которых человек сам разваливается, — ответил Сергей. — Иногда тело не выдерживает. Иногда голова. Иногда всё сразу.

Тишина после этих слов стала другой. Не пустой. Наполненной тем, что не хочется называть.

— Данил жив, — сказала Алина. Голос её дрожал, но слова были чёткими, как буквы на экране. — Он жив.

— Возможно, — ответил Сергей. — И если жив, время пока на твоей стороне. Но не надолго.

Это «возможно» снова резануло по нервам. Алина почувствовала, как внутри поднимается глухое, горячее раздражение — не на Сергея, а на саму эту неопределённость, на невозможность знать наверняка.

— Ты сказал, есть другой вход, — напомнила она. — Не через ворота. Через тех, кто приходит добровольно.

Сергей пошевелился, поморщившись от боли в боку. Там, где куртка была особенно тёмной и мокрой, он прижимал руку.

— У них не только закрытые заводы. Есть входные программы. Отборочные. Короткие. Для новых. Не всех зовут жить внутри сразу. Кого-то сначала тестируют. Разговоры. Анкеты. Собеседования. Пробные сессии. Они любят ломать человека ещё до того, как он переступит порог. Чтобы, когда войдёт, уже не мог сопротивляться.

— Как туда попасть? — спросила Алина.

— Подать заявку.

Несколько секунд она думала, что ослышалась. В голове не укладывалось: чтобы войти в место, которое держит её мужа, нужно заполнить форму.

— Что? — переспросила она.

— Через сайт. Через форму обратной связи. Иногда по телефону. Если ты подходишь по профилю, тебя приглашают. Если нет — отказывают. Или игнорируют.

— По какому ещё профилю? — Алина чувствовала, как внутри закипает смесь ужаса и злости. — Что, у них есть список требований к жертве?

Сергей выдохнул — долго, шумно.

— Им не нужны любые, — сказал он. — Им нужны люди с трещиной. Желательно — свежей. Потеря. Вина. Зависимость. Панические атаки. Созависимость. Семейный кризис. Невозможность отпустить умершего. Страх остаться одной. Что-нибудь, во что можно войти, как нож в уже намеченный шов.

Алина почувствовала, как внутри неё что-то холодно щёлкнуло.

Страх одиночества. Зависимость от мужа. Потеря опоры. Именно это спрашивали на «отборе» в структуре, которую она придумала для своего романа — и теперь сама её жизнь будто подтвердила собственную жестокую логику. Но здесь, в этой мокрой, вонючей канаве, это была уже не конструкция, не сюжетный ход, не «интересный психологический приём». Это была личная, острая, дышащая угроза.

— Я подхожу, — сказала она.

Сергей промолчал.

— Я серьёзно, — повторила Алина, хотя знала, что он и так слышал.

— Именно поэтому это плохая идея.

— Это единственная идея, — отрезала она.

Он тихо выругался — сквозь зубы, коротко, беззлобно, как человек, который давно потерял иллюзию, что его слова кого-то останавливают.

— Ты не понимаешь, — сказал он. — Чтобы войти туда, мало сказать «у меня проблемы». Нужно им поверить. Хотя бы на время. Нужно дать им почувствовать, что ты готова отдать управление. А они слышат фальшь. У них на этом построено всё. Если ты соврёшь в анкете — тебя отсекут. Если переиграешь — заметят. Если недоскажешь — не заинтересуются.

— Значит, не врать, — сказала Алина.

Он повернул к ней голову. В темноте она почувствовала его взгляд — тяжёлый, изучающий, как рентген.

— Что?

— Мне не надо много выдумывать, — ответила Алина, и голос её звучал ровно, хотя внутри всё дрожало. — Мои муж пропал сегодня утром. Мне никто не верит — ни полиция, ни его друзья, ни, возможно, случайные люди, которые меня слышат. Я не спала. Я не ела. Я приехала неизвестно куда. Я нашла его машину с кровью. Я увидела людей, которые не должны были существовать. Я сижу в канаве ночью с незнакомцем, потому что боюсь поднять голову. Я в панике. Я готова на всё, чтобы получить ответ.

Она перевела дыхание.

— Это не игра, Сергей. Это уже правда.

Даже в темноте она почувствовала, как он смотрит на неё по-новому. Не как на перепуганную женщину, потерявшую голову от горя. Как на человека, который уже стоит в опасной точке — между отчаянием и решением, между паникой и холодным расчётом.

— Этим ты им и понравишься, — сказал он наконец. В голосе его не было восхищения. Только мрачное признание.

— Хорошо.

— Это не хорошо, Алина.

— Нет, — согласилась она. — Это очень плохо. Но зато работает.

Впервые за всё время он коротко и по-настоящему хмыкнул. Не весело — скорее с той мрачной, вымученной признательностью, которую испытываешь к человеку, который видит ту же пропасть, что и ты, но всё равно идёт вперёд.

— У тебя есть что-то оттуда? — спросила Алина. — Контакты. Имя. Сайт. Номер. Хотя бы что-нибудь.

Сергей полез дрожащей рукой под куртку — движения его были медленными, неуклюжими, он морщился каждый раз, когда задевал бок. Долго шарил во внутреннем кармане, что-то бормоча себе под нос, и наконец вытащил смятый, почти размокший бумажный прямоугольник.

Визитка.

Алина включила экран телефона на минимальную яркость — красный индикатор батареи мигал уже час, предупреждая о скорой смерти, — и увидела.

Тонкий, матовый картон. Чёрный фон. Белые буквы.

«Дом Обновления».

Ниже — лаконичный логотип. Круг, перечёркнутый вертикальной линией. Тот самый знак. С жетона, который лежал у неё в кармане. С панели звонка у ворот. С мантии женщины, которая открыла дверь и сказала «вам лучше уехать».

Ещё ниже — адрес сайта, номер телефона и фраза, напечатанная мелким, элегантным шрифтом:

«Закрытые программы личной трансформации. Помощь тем, кто потерял опору».

Всё выглядело дорого. Спокойно. Почти респектабельно.

Алину едва не затошнило.

— Я сохранил, потому что хотел когда-нибудь передать кому-то, — сказал Сергей. — Но некому было. А потом стало поздно.

— Почему ты не пошёл в полицию?

Он усмехнулся — той же сухой, горькой усмешкой.

— Ходил.

Алина замерла.

— И?

— Со мной вежливо поговорили. Посмотрели на мои документы. Потом на меня. Потом на справку из реабилитационного центра, где я лежал после побега. Сказали, что я нестабилен, недавно прошёл закрытую программу, могу быть дезориентирован после срыва. Потом кто-то позвонил кому-то ещё — не знаю, кому. Потом мне посоветовали лечь в стационар и не строить опасных фантазий.

В его голосе не было злости. Только выжженная, серая пустота человека, которого уже однажды аккуратно отменили. Чьи слова больше не имели веса, потому что кто-то позаботился о том, чтобы его «психическое состояние» было зафиксировано в нужных бумагах.

Алина сжала визитку так сильно, что картон помялся в пальцах.

Теперь она понимала ещё больше. Не только почему никто не верит ей. Не только почему полиция не ломится в ворота. Почему этой системе удобно существовать. Потому что у неё есть ответы на все вопросы, которые может задать обычный человек. И запасной план на случай, если ответы не сработают.

— Значит, мы всё делаем сами, — сказала Алина.

— «Мы»? — переспросил Сергей, и в голосе его прозвучало удивление.

— Если ты хочешь исчезнуть, — ответила она, — я не держу. У тебя есть шанс уйти. Сейчас. Пока темно. Пока они не вернулись. Но мне нужен кто-то, кто знает, как там всё устроено. Кто был внутри.

— А мне нужна женщина, которая ещё не понимает, что сгорит в этом месте быстрее, чем успеет спасти мужа?

— Не сгорю, — сказала Алина.

— Все так думают.

— Я не все.

Она опустила взгляд на визитку, на чёрный фон, на белые буквы, складывающиеся в название. «Дом Обновления». Слово «обновление» теперь казалось ей оскорбительным.

— Тогда помоги мне не сделать самых тупых ошибок, — сказала она. — Пожалуйста.

Сергей долго молчал. Так долго, что Алина уже решила — он встанет и уйдёт. Молча. В темноту. И она останется одна в этой канаве, с мокрыми джинсами, с умирающим телефоном, с визиткой в руке — и никакого плана, кроме «подать заявку».

Но он не ушёл.

— Телефон у тебя цел? — спросил он.

— Да.

— Сеть есть?

— Плавает, но есть.

— Тогда слушай внимательно, — сказал Сергей, и голос его стал другим — деловым, собранным. Человек, который перестал быть жертвой и стал инструктором. — Сейчас мы выбираемся к твоей машине. Тихо. Без фонарей. Без громких шагов. Уезжаем отсюда. Ночуем не у тебя дома.

— Почему?

— Потому что, если они уже знают твоё имя и номер — а они знают, раз ты была у ворот, — дом первое место, где тебя будут ждать. Не обязательно для нападения. Для наблюдения достаточно.

Алина почувствовала, как по спине побежали мурашки, не имеющие отношения к холоду.

— Куда тогда?

— В мотель у старой трассы. Там, где трасса пересекается с объездной. Место не самое лучшее, но без документов сейчас уже не заселяют. Однако есть одна женщина на ресепшене, пожилая, которая меня знает. Она не задаёт лишних вопросов.

Алина едва не рассмеялась от абсурдности происходящего. Ещё утром она выбирала между работой из дома и уборкой кухни, спорила с Данилом о том, нужен ли в спальне телевизор, и думала, что вечером они будут смотреть сериал. Теперь она обсуждала ночёвку в придорожном мотеле с беглецом из секты, и это казалось самым разумным из всего, что она слышала за последние часы.

— А потом? — спросила она.

— Потом ты отправляешь заявку.

— Ночью?

— Нет. Утром. Они любят, когда человек пишет после бессонной ночи. Между четырьмя и семью утра приходят самые удобные письма. Самые честные. Самые сломанные.

Алина посмотрела на него внимательнее.

— Ты серьёзно это знаешь.

— Я был внутри, — повторил он. — Я знаю, как они думают.

Он забрал у неё визитку, перевернул и дрожащим пальцем — ногтем, потому что ручки не было — нацарапал на обратной стороне имя.

«Ева».

— Кто это? — спросила Алина.

— Внешний куратор. Иногда проводит первичные созвоны. Голос мягкий. Слушает так, будто ты уже важна — больше всего на свете. Задаёт вопросы о твоей боли, о твоём прошлом, о твоих страхах. Ты будешь плакать. Она не утешит — она просто скажет «я понимаю». И ты согласишься. Потому что захочешь верить.

— Но на самом деле?

— На самом деле в этот момент тебя просто оценивают. На вход. На пригодность. Насколько глубоко можно войти, как долго можно держать.

Алина убрала визитку во внутренний карман куртки — туда, где уже лежал жетон, и обрывок чёрной ткани, и чувство, что она собирает улики собственного разрушения.

— Что писать? — спросила она.

Сергей чуть прикрыл глаза, будто вспоминал давно заученный, ненавистный алгоритм.

— Напиши, что потеряла опору. Что не справляешься с тревогой. Что перестала понимать, кто ты без другого человека. Что боишься остаться в пустоте. И что обычная терапия больше не помогает.

— А если спросят про мужа?

— Не упоминай особняк. Не упоминай пропажу. Не говори, что знаешь, где он. Если спросят про семейное положение — скажи, что муж стал отдаляться, что вы не говорите, что ты не знаешь, где он сейчас, и это сводит тебя с ума.

Алина сжала зубы.

Ужаснее всего было то, что половина этих фраз — «перестала понимать, кто ты без другого человека», «боюсь остаться в пустоте» — попадали в неё слишком точно. Попадали в ту самую трещину, которую Сергей описывал. В ту самую, которую система, о которой она писала в романе, умела находить и расширять.

— И они позвонят? — спросила она.

— Если ты им понравишься.

— А если нет?

Он посмотрел ей прямо в глаза. Даже в темноте она почувствовала тяжесть этого взгляда.

— Тогда будем искать другой способ. Но если позовут — ты должна помнить главное.
— Что?

Сергей наклонился ближе — так близко, что Алина почувствовала запах грязной одежды, пота, горького лекарства. И произнёс почти беззвучно, одними губами:

— Входя туда, ни разу не думай, что ты сильнее их.

Сверху, за краем канавы, снова хрустнула ветка.

На этот раз — совсем близко. Метрах в двух. Может быть, ближе.

Они оба замерли. Сергей прекратил дышать — Алина слышала, как воздух замер у него в горле. Она сама прижала ладонь ко рту, чувствуя, как пальцы дрожат.

Луч фонаря скользнул по краю канавы — белый, узкий, беспощадный. Прошёлся по пожухлой траве, задержался на секунду на торчащем корне, скользнул дальше.

Потом женский голос.

Спокойный. Почти домашний. Такой, каким говорят, когда не сомневаются, что их услышат и послушаются.

— Алина, выходите.

Она оцепенела.

Голос знал её имя. Не спрашивал. Не уточнял. Знал.

— Мы просто хотим поговорить, — продолжал голос. В нём не было угрозы. Не было спешки. Только уверенность. Та самая, с которой открывают дверь собственного дома.

Сергей схватил Алину за запястье. Пальцы его были ледяными и цепкими, как когти.

— Не двигайся, — прошептал он. — Молчи.

Луч фонаря снова прошёлся по краю канавы, на этот раз чуть выше. Ближе к тому месту, где они сидели.

— Мы знаем, что вы там, — сказал голос. — Оба. Выходите.

Сергей медленно покачал головой. Алина видела его профиль в смутном свете, падающем сверху — окаменевший, сжатые челюсти, глаза, в которых не было ничего, кроме сосредоточенного, животного страха.

— Не верь, — шепнул он почти беззвучно. — Это приём. Если вылезем — они нас не отпустят.

Алина смотрела на край канавы, откуда исходил свет, и чувствовала, как время снова ломается, распадается на отдельные удары сердца. Каждый удар был громче предыдущего.

Голос произнёс тише, доверительнее:

— Алина, вы не в опасности. Правда. Но чем дольше вы будете прятаться, тем сложнее нам будет объяснить ваше присутствие здесь тем, кто менее терпелив.

Сергей тихо выругался.

— Это Марта, — сказал он. — Или не она, но такая же. Не выходи. Они ничего не могут сделать сами. Им нужно, чтобы ты согласилась.

— А если я не соглашусь?

— Тогда они будут ждать. Долго. В этом лесу они могут ждать дольше, чем мы.

Луч фонаря опустился ниже и на секунду осветил край куртки Сергея. Алина замерла. Сергей замер.

Голос сказал:

— Мы видим вас. Оба.

И тихо добавил:

— Не заставляйте нас опускаться к вам.

Алина медленно подняла взгляд на Сергея.

— Что мы делаем? — спросила она шёпотом.

Он молчал несколько долгих, тяжёлых секунд. Потом вдруг выдохнул — длинно, шумно, как человек, который принимает решение, зная, что проиграл.

— Выходим, — сказал он. — Но не бежим. И не кричим. И не верим ни одному их слову. Она кивнула. Встала. Впервые за много часов выпрямилась в полный рост.

Ноги затекли, спина болела, колени дрожали. Она была грязной, мокрой, полузамерзшей и такой злой, что эта злость перекрывала страх.

Она подала руку Сергею. Он опёрся на неё тяжелее, чем раньше, и они вместе начали выбираться из канавы — медленно, неуклюже, цепляясь за корни и стебли.

Сверху, на краю, стояли трое.

Двое мужчин с фонариками — в тёмных куртках, без опознавательных знаков, с лицами, которые не хотелось запоминать. И женщина в чёрном.

Именно она держала фонарь — но не в руке, а на плече, как полицейские, чтобы руки оставались свободными. Капюшон был откинут, и Алина впервые увидела её лицо.

Не Марта.

Другая.

Моложе. Лет тридцать пять — тридцать восемь. Волосы русые, собраны в низкий, тугой узел. Глаза светлые, почти прозрачные, с длинными, загнутыми ресницами — единственное, что в ней казалось женственным, почти красивым. Остальное — строгость, скулы, тонкие губы, сложенные в едва заметную, нечитаемую линию.

Она смотрела на Алину без враждебности. Без жалости. Без любопытства. Так смотрят на то, что уже увидели раньше, чем ожидали.

— Добрый вечер, — сказала женщина. — Меня зовут Вера. Я куратор приёма в «Доме Обновления».

Она протянула руку.

Алина не пожала.

Вера не обиделась. Она убрала руку и продолжила тем же ровным, спокойным тоном:

— Вы приехали к нам днём. Мы не могли вас принять. Но теперь, когда вы вернулись, у меня есть предложение.

— Где мой муж? — спросила Алина.

Вопрос прозвучал жёстче, чем она хотела. Но она не стала смягчать.

Вера посмотрела на неё долгим, изучающим взглядом.

— Если вы о Даниле, — сказала она, — он в безопасности.

Эти слова ударили Алину под дых.

— Что вы с ним сделали?

— Ему помогают. Там, где он сейчас, ему оказывают необходимую поддержку.

— Вы похитили его.

— Мы предложили помощь в критический момент, — поправила Вера. — Он принял её. Вы можете называть это как угодно.

Сергей, стоявший рядом с Алиной, вдруг заговорил — хрипло, быстро, словно боялся, что его опередят:

— Она врёт. Не верь ей. Они всегда так начинают — с «помощи» и «безопасности». А потом ты просыпаешься в комнате без окон и не помнишь, как сюда попал.

Вера даже не взглянула на него. Она смотрела только на Алину.

— Ваш друг, — сказала она, — покинул центр без завершения программы. У нас нет к нему претензий, но его состояние оставляет желать лучшего. Он дезориентирован.

— Я дезориентирован? — хрипло переспросил Сергей.

— Вы нуждаетесь в помощи, Сергей. И мы готовы её предоставить, если вы решите вернуться.

Алина переводила взгляд с Веры на Сергея, с Сергея на мужчин с фонариками, которые стояли неподвижно, как статуи.

— Я хочу увидеть мужа, — сказала она.

— Это возможно, — ответила Вера. — При одном условии.

— Каком?

— Вы придёте к нам не как жена, которая ищет пропавшего. А как человек, которому нужна помощь.

Алина сжала кулаки.

— И вы отдадите его?

— Мы предоставим вам возможность встретиться и поговорить. Без свидетелей. Без ограничений. Если после этого он захочет уйти — никто его не удержит.

— А если не захочет?

Вера чуть улыбнулась — едва заметным движением губ, которое могло показаться улыбкой только если очень хотеть в это верить.

— Тогда, возможно, вам придётся принять его выбор.

Сергей дёрнул Алину за рукав.

— Это ловушка, — прошипел он. — Ты войдёшь — и не выйдешь.

Алина посмотрела на него, потом на Веру.

— Когда? — спросила она.

— Завтра, — ответила Вера. — В одиннадцать утра. Вход через главные ворота. Мы будем вас ждать.

Она повернулась к мужчинам, и те, без команды, шагнули назад, освобождая проход.

— Алина, — сказала Вера, — вы сильная. Я вижу. Но даже сильным иногда нужна опора. Мы дадим вам её.

И ушла.

Тени растворились в лесу так же бесшумно, как появились.

Алина стояла на краю канавы, грязная, дрожащая, с бешено колотящимся сердцем.

Сергей взял её за локоть.

— Ты не пойдёшь, — сказал он.

— Пойду.

— Они убьют тебя.

— Они убили бы его, если бы я не пришла.

Она повернулась к своей машине, всё ещё стоящей у дороги с включёнными фарами, освещавшими пустой лес.

— Поехали, — сказала Алина. — В мотель. У нас есть несколько часов, чтобы придумать, как не умереть завтра.

Сергей не ответил.

Только кивнул и, прихрамывая, пошёл за ней к свету

Глава 7. Мы просто хотим поговорить

Женский голос прозвучал так близко, что у Алины свело спину.

Не громкий. Не резкий. Без приказа и паники. Именно это делало его страшнее любого крика. Так не зовут человека, которого потеряли в лесу — с надеждой, что он отзовётся. Так зовут того, чьё местоположение уже вычислили, чьё имя знают и кому пока ещё предлагают выйти добровольно, чтобы не пришлось применять силу.

Голос шёл откуда-то сверху, с края канавы — от женщины, которая стояла наверху и, возможно, улыбалась в темноту. Алина не видела её лица, но уже ненавидела этот голос. За спокойствие. За уверенность. За то, как легко он произносил её имя — Алина, — будто они были знакомы годами, будто она имела право на это обращение.

Сергей мгновенно вцепился ей в запястье. Пальцы его, ледяные и цепкие, сжались с такой силой, что Алина почувствовала, как кости трутся друг о друга. Он вжал её в глинистую стену канавы, придвинулся так близко, что она слышала его прерывистое, пахнущее горечью дыхание.

— Не отвечай, — едва слышно выдохнул он. — Ни слова. Ни звука. Им нужно только, чтобы ты подала голос. Тогда они поймут, где мы точно.

Сверху, над краем канавы, тихо хрустнула сырая земля. Кто-то сделал шаг. Потом ещё один. Луч фонаря — широкий, хирургически белый — скользнул по бурьяну, выхватил на секунду мокрые стебли, блестящие листья, пустоту между ними, задержался на ветках и погас. Не потому, что батарея села. Потому что свет им уже не был нужен. Они знали, где цель. Свет мог только спугнуть.

— Алина, — снова произнёс тот же голос. Теперь тише, доверительнее, почти как подруге на кухне за чашкой чая. — Вы напуганы. Это естественно. Я понимаю. Но рядом с вами человек, который умеет искажать реальность. Он сам не понимает, что делает. Вам не нужно прятаться вместе с ним.

Сергей едва заметно дёрнулся — всем телом, как от удара током. Алина почувствовала это движение, потому что он всё ещё держал её за руку. Дёрнулся и замер, затаил дыхание.

Не потому, что поверил женщине.

Потому что та ударила точно туда, куда нужно: сначала назвать её страх («вы напуганы»), потом посеять сомнение в единственном союзнике, который был у неё в этой темноте. Посеять аккуратно, без грубости, почти с сожалением.

«Умеет искажать реальность».

«Сам не понимает, что делает».

Алина почувствовала, как внутри неё что-то дрогнуло. Не доверие к голосу — нет, не настолько. Но дрожь сомнения. Маленькую, тонкую трещину, в которую могло пролиться то, что она слышала.

— Это Ева? — шёпотом спросила она.

Сергей кивнул один раз. Резко, будто не хотел тратить лишнюю энергию на движение.

Внешний куратор. Голос мягкий. Слушает так, будто ты уже важна — важнее всего на свете. Он не ошибся.

— Мы не причиним вам вреда, — сказала Ева. — Если бы хотели, разговор был бы другим.

Из темноты справа, метрах в пяти, послышалось мужское дыхание — ровное, спокойное, без одышки. Значит, она пришла не одна. Кто-то стоял чуть в стороне, молча, не вмешиваясь, но присутствуя. Контроль. Поддержка. Тихое давление. Всё было выстроено, как в опере — каждый на своём месте, каждая нота просчитана.

Алина медленно, с усилием, вытащила руку из хватки Сергея.

Он повернулся к ней так резко, что в темноте это почувствовалось почти как удар. Тень лица, блеск глаз, напряжение в плечах.

— Даже не думай, — прошептал он. — Это не разговор. Это захват. Они спустятся через минуту, если ты не ответишь.

— Я знаю, — так же тихо ответила Алина.

И сама до конца не понимала, что собирается делать.

Если сидеть дальше — их всё равно найдут. Канава не была крепостью, а они не были невидимками. Если побегут — Сергей не выдержит. Он еле стоял на ногах, каждое движение давалось ему с хрипом и гримасой боли. Если разделятся — она останется одна в лесу с людьми, которые знают её имя.

Если выйдет — она хотя бы увидит лицо той, кто уже знает её по имени и разговаривает так, будто заботится. Увидит. Запомнит. Сможет потом ненавидеть не голос в темноте, а конкретные черты.

— Алина, — Ева сделала короткую паузу и добавила почти ласково, тем тоном, которым говорят с ребёнком, упавшим с велосипеда: — Ваш муж жив.

Мир сузился до одной этой фразы.

Сергей выдохнул сквозь зубы что-то злое — короткое, неразборчивое, похожее на ругательство. Но Алина уже почти не слышала его. Слова ударили не в уши, не в голову, а прямо в грудную клетку, в то место, где всё это время сидела глухая, ледяная тяжесть. Тяжесть, которую она носила в себе с того самого момента, как звонок оборвался.

Жив.

Единственное слово, ради которого можно было сорваться, поверить, выйти, подписать что угодно.

И Ева знала это.

Конечно знала. Она знала всё. Имя Алины. Имя Данила. То, что она приехала. То, что она прячется. То, что она слушает. То, что она слабее всего именно в этом месте — там, где страх потери превращается в жадность до любой информации.

— Не верь первому крючку, — быстро прошептал Сергей. Голос его дрожал — не от страха, от отчаяния. — Они всегда сначала дают то, без чего ты не сможешь думать. Жив, мёртв, где — это крючок. Если ты клонёшь на него, ты уже не выбираешь головой.

Но думать и правда стало тяжелее.

Мысли путались, наезжали одна на другую, цеплялись за одну фразу, за одно слово. Жив. Значит, не убит. Значит, есть шанс. Значит, всё не зря. Всё, что она делала сегодня — поездка, крики у ворот, ожидание полиции, лес, канава, этот странный человек с тёмными следами на запястьях — всё это имело смысл.

— Где он? — не выдержала Алина, повышая голос. Слова вырвались сами, прежде чем она успела их остановить. — Что вы с ним сделали?

Сергей замер.

Наверху, за краем канавы, наступила короткая пауза. Такая короткая, что её можно было не заметить. Но Алина заметила. Пауза, в которой Ева, возможно, улыбнулась.

— С ним всё зависит от того, как вы будете себя вести, — сказала Ева, и в голосе её впервые появилось что-то новое. Не угроза — нет, она была слишком умна для открытых угроз. Но сталь. Холодная, хорошо спрятанная, но уже ощутимая.

Сергей тихо выругался — длинно, со вкусом, устало.

Алина закрыла глаза на секунду. Прижалась спиной к холодной, мокрой глине, чувствуя, как она липнет к куртке, как холод пробивается под одежду.

Вот и всё.

Маска мягкости чуть сдвинулась, и под ней показался настоящий голос системы. Не «помощь». Не «понимание». Не «мы здесь, чтобы поддержать». А обмен. Ты даёшь мне поведение — я даю тебе информацию.

— Значит, вы его держите, — сказала Алина, стараясь, чтобы голос не дрожал. Пальцы вцепились в мокрую траву на дне канавы, вырывая её с корнем.

— Мы никого не держим, — ответила Ева. Голос снова стал мягким, почти вкрадчивым — как будто предыдущая фраза была оговоркой, случайным сбоем. — Мы только создаём условия, в которых человек может услышать правду о себе.

— Звучит как бред, — сказала Алина.

— Для тех, кто ещё сопротивляется, — да, — легко согласилась Ева. — Но сопротивление — это тоже стадия. Мы умеем с ней работать.

Сергей сжал пальцами край её рукава — дёрнул, привлекая внимание.

— Она тянет время, — прошептал он, почти касаясь губами её уха. — Пока мы здесь сидим и разговариваем, они перекрывают дороги. Отрезают пути к отступлению. Через пять минут у нас не будет выхода.

Алина быстро огляделась.

Темнота. Канавы. Слабый, едва уловимый запах мокрой земли, гниющих листьев и той особенной, холодной сырости, которая бывает только в лесу глубокой ночью. Человек рядом, который еле держится на ногах, но продолжает бороться, потому что у него нет другого выбора. Женщина сверху, знающая её имя и мужа, знающая, где они прячутся, и не спешащая — потому что время на её стороне. Невидимый мужчина чуть правее — молчаливый, тяжёлый, как стена.

И где-то дальше, за деревьями — её машина, машина Данила, доказательства, дорога, связь с миром, который ещё не знает, что она здесь.

Они уже проигрывали по позициям. Медленно, сантиметр за сантиметром, но проигрывали.

— У вас есть одна минута, — произнесла Ева всё тем же спокойным тоном. — Потом разговор будет сложнее. Не для нас — для вас.

Алина внезапно поняла, что именно в этом спокойствии её больше всего бесит. Не угроза — угрозу можно было бы отбить злостью. Не уверенность — уверенность можно было бы сломать сомнением. А то, как тщательно всё это подано под соусом заботы, помощи, поддержки. Как будто они не преследовали её в лесу ночью, а пришли на чай.

— Тогда слушайте меня, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. Она приподнялась на коленях, выпрямила спину, посмотрела туда, где за краем канавы угадывалась тень женщины. — Если с моим мужем что-то случится — если у него появится хоть один синяк, если он похудеет, если он будет выглядеть напуганным или сломленным, — я разнесу ваше место по кирпичу. С полицией, с журналистами, с прокуратурой, с волонтерами, с кем угодно. Я не успокоюсь, не устану, не забуду. Я не из тех, кто машет рукой и говорит «ну и чёрт с ним». Я буду долбить, пока ваши красивые ворота не рухнут.

Сергей смотрел на неё сбоку — и в темноте Алина почувствовала его взгляд. Удивлённый. Почти восхищённый. Как будто он только сейчас понял, кого привёл с собой.

Наверху, за краем канавы, кто-то тихо усмехнулся.

Не Ева. Мужчина. Тот, что стоял справа.

Усмешка была негромкой, сдержанной, почти профессиональной. Так усмеваются врачи, когда пациент говорит «я не буду болеть».

— Вы всё ещё думаете, что находитесь снаружи системы, — сказала Ева. В голосе её не было злорадства. Только знание. — Это ошибка. Вы уже внутри. Просто пока не поняли, на каком уровне.

У Алины похолодели руки.

Она вдруг ощутила себя не охотником, не судьёй, не мстителем. Мышью в лабиринте, который строился задолго до того, как она в него вошла.

Рядом Сергей шепнул:

— Сейчас.

— Что? — не поняла она.

— Молись, — сказал он и резко рванул вперёд.

Алина не успела отреагировать. Он приподнялся, почти вгрызаясь пальцами в глину стены канавы, цепляясь за корни, выдирая куски мёрзлой земли из-под ногтей. Алина инстинктивно схватила его за локоть, думая, что он сейчас вылезет наверх — прямо к ним, прямо в руки, — и это будет конец.

Но Сергей рванул не вверх.

Влево.

В сторону низкой, почти незаметной трубы, скрытой бурьяном и старыми, полусгнившими ветками. В темноте её невозможно было заметить сразу: старый бетонный слив под дорожкой или под насыпью, достаточно широкий, чтобы протиснуться ползком, достаточно длинный, чтобы вывести на другую сторону.

— Туда! — выдохнул он и нырнул в чёрный провал, увлекая Алину за собой.

Сверху мгновенно послышалось движение.

— Они уходят, — спокойно произнёс мужской голос.

Ни крика. Ни паники. Ни команды «догоняй».

И от этого стало хуже. Гораздо хуже, чем если бы они заорали и побежали.

Алина нырнула следом за Сергеем в трубу, едва не ударившись виском о бетонный край. Боль была острой, короткой, но она её почти не почувствовала — адреналин глушил всё. Внутри пахло холодной водой, илом, ржавчиной и чем-то ещё, сладковато-приторным, от чего хотелось зажать нос.

Пространства было так мало, что приходилось двигаться почти на четвереньках, согнувшись в три погибели. Куртка, и без того мокрая, сразу намокла окончательно, прилипла к телу, стала тяжёлой и неудобной. Ладони скользили по слизи, покрывающей бетон, пальцы натыкались на какие-то острые выступы, царапались, скользили.

Сергей полз впереди — тяжело, с хрипом, иногда останавливаясь на секунду, чтобы перевести дыхание. Алина слышала, как его ногти скребут по бетону, как воздух с трудом проталкивается сквозь суженное болью горло.

Позади, из входа в трубу, послышались приглушённые звуки — шаги, короткий скрежет, чей-то голос, сказавший: «Они в дренаже».

Значит, они знали про трубу. Заранее знали.

Алина вдруг поняла, что Ева не случайно говорила так долго. Говорила, чтобы они сидели на месте. Чтобы не начали двигаться раньше времени. А когда они всё-таки рванули — их уже ждали.

— Быстрее, — прошептал Сергей. Голос его эхом отдавался в бетонных стенах, искажался, становился чужим.

— Я и так... — начала Алина, но договорить не успела.

Потому что позади, где-то в начале трубы, раздался звук, от которого кровь застыла в жилах.

Кто-то спускался в канаву.

Шаги. Тяжёлые, уверенные. Металлический щелчок — фонарик, который включили, прикрыв рукой, чтобы свет не бил вперёд. И голос Евы — теперь ближе, глуше из-за бетона, но всё такой же спокойный, всё такой же вкрадчивый.

— Алина, подумайте, — сказала она, и каждое слово отдавалось в трубе, как камень, брошенный в колодец. — Человек, который ползёт сейчас перед вами, уже приводил к нам

полицию. Выдумывал смерти. Срывался. Нападал на людей. У него нет жилья, нет работы, нет семьи. Вы уверены, что хотите доверить ему мужа?

Сергей замер на мгновение.

Всего на мгновение. Но этого хватило, чтобы Алина почувствовала, как в неё снова пытаются вбить клин. Не фактами. На слабом месте. На незнании.

Она ничего не знала о Сергее. Вообще ничего. Только его слова. Следы на запястьях. Сломанное дыхание. Визитку «Дома Обновления», которую он хранил, как доказательство или как напоминание. Предупреждения. Терпение.

Всё.

Этого было достаточно, чтобы идти за ним вслепую — и недостаточно, чтобы по-настоящему верить. Ева била именно туда. В ту самую трещину, которую сама же и нашла.

— Не слушай, — выдохнул Сергей. В голосе его впервые прозвучал не контроль, не злость, а что-то другое. Почти мольба. — Ещё метр. Чёрт возьми, Алина, ещё метр — и мы снаружи. Не сейчас. Не здесь.

Она сжала зубы и двинулась дальше, переставляя руки в ледяной слизи, отталкиваясь коленями от мокрого бетона. Ещё метр. Ещё пять. Ещё...

Они вывалились из трубы на противоположной стороне насыпи — в густые, мокрые заросли, которые хлестнули по лицу, по рукам, оставляя холодные, влажные следы. За кустами, метрах в двадцати, тянулась разбитая, глубокая колея — старая лесовозная дорога, заросшая травой, но всё ещё проходима. Где-то далеко слева, за деревьями, виднелся слабый жёлтый свет. Не электрический — тусклый, неровный, мерцающий. Свет лампы или керосинки.

Возможно, дорога. Возможно, ферма, о которой говорил Сергей. Возможно, очередная ловушка.

Алина помогла Сергею подняться. Он опёрся на неё тяжелее, чем раньше, почти повис на плече. Лицо его в слабом свете, пробивающемся сквозь кроны, было белым, как бумага, а глаза — слишком блестящими.

Сзади, из трубы, никто пока не вылезал.

Слишком узко. Слишком грязно. Или они не заметили выход сразу. Или не торопились. Или знали, что те, кто вышел с другой стороны, никуда не денутся.

— Сюда, — хрипло сказал Сергей.

Они пошли по колее, почти падая. Ноги скользили на мокрой глине, разъезжались в стороны, цеплялись за корни и камни. Алина тащила Сергея на себе, чувствуя, как её собственные силы иссякают, как мышцы ноют, как дыхание срывается на хрип.

Теперь она слышала, как Сергей по-настоящему сдаёт. Каждый шаг давался ему через силу — не через нежелание, а через физическую невозможность. Что-то внутри него было сломано. Ребра. Лёгкое. Или душа — но душа не хрустит при движении.

Останавливаться было нельзя.

Где-то позади оставались её машина, улики, обычная жизнь и вся логика нормального мира. Там был телефон, на который никто не звонил. Там был дом, в который она не могла вернуться. Там была полиция, которая не поверила. Там было утро, когда Данил варил кофе и говорил «не пропаду».

Впереди был только сырой мрак и человек, которому она пока ещё решила верить.

Через несколько минут колея вывела их к старому зданию.

Не ферма даже — то, что от неё осталось после десятилетий забвения и равнодушия. Длинный кирпичный корпус с провалившейся крышей, похожей на сломанный позвоночник. Покосившийся навес на ржавых трубах. Распахнутые ворота без створок, глядящие в темноту пустыми глазницами. Стены, покрытые мхом и каким-то чёрным, сажистым налётом.

В одном окне — единственном из всех — тускло горел свет. Жёлтый, неровный, электрический только на первый взгляд. Приглядевшись, можно было понять: это старая керосиновая лампа, повешенная на гвоздь у подоконника.

Сергей остановился в нескольких метрах от здания, привалился плечом к стволу старой, кривой берёзы, и свистнул.

Коротко. Почти по-птичьи. Два резких звука, похожих на крик чибиса.

Алина уставилась на него, не веря своим ушам.

— Что ты делаешь? — прошептала она.

— Если нас здесь не ждут, нас сюда не пустят, — ответил он, не глядя на неё.

— Кто — «нас»? Кто здесь живёт?

Ответить он не успел.

В окне шевельнулась тень — сначала неясная, смазанная, но потом чёткая, человеческая. Кто-то выглянул в темноту, прищурился, пытаясь разглядеть фигуры за пределами света.

Потом открылась боковая дверь — тяжёлая, обитая старым, проржавевшим железом — и на пороге появилась женщина.

Лет шестидесяти, а может, и больше — в темноте возраст угадывался скорее по движениям, чем по лицу. Невысокая, плотная, сбитая, как старая яблоня, которая держится корнями за землю, несмотря на все ветры. На ней был старый ватник — тёмно-зелёный, потёртый на локтях, на плечах — и резиновые сапоги, забрызганные глиной.

В правой руке она держала фонарь — не тот узкий, хирургический, который был у мужчин в лесу, а старый, тяжёлый, с широким лучом, который не столько освещал, сколько ощупывал темноту.

Она посветила сперва на Сергея, потом на Алину, задержала свет на лице, на мокрой куртке, на грязных руках.

— Опять привёл беду? — спросила женщина. Голос у неё был низкий, прокуренный, с хрипотцой — таким голосом говорят люди, которые привыкли командовать, но давно устали быть услышанными.

— Не одну, — тяжело выдохнул Сергей. — Но эту надо пустить.

Женщина перевела свет на Алину ещё раз. Оценивающе. Медленно. Как товар на рынке.

— Кто такая? — спросила она.

— Жена одного из новых, — сказал Сергей. — Они взяли её мужа сегодня. Утром. Она приехала за ним. Её машина осталась у дороги. Её лицо теперь знают.

Женщина не ахнула. Не удивилась. Не перекрестилась и не спросила «какой ужас».

Она только тихо выругалась — коротко, односложно, с той особенной интонацией, которая бывает у людей, слишком много раз видевших одно и то же.

И это было, пожалуй, самым страшным подтверждением за весь вечер. Всё, что говорил Сергей. Всё, что чувствовала Алина. Всё, что происходило за стенами особняка — она уже слышала такие истории. Не одну. Не две.

— Заходите, — сказала женщина коротко. — Только быстро. Если за вами хвост — на улице не стойте.

Они вошли внутрь.

Помещение оказалось бывшей сторожкой — или подсобкой, или маленьким складом, приспособленным под временное жильё. Всё говорило о том, что здесь не живут годами, а пережидают. Находят убежище на ночь, на неделю, на время, достаточное, чтобы перевести дыхание.

Посередине стояла печка-буржуйка — чёрная, проржавевшая, но ещё работающая. От неё тянуло сухим теплом и дымом, смешанным с запахом горелой жести. Рядом — старый,

шаткий стол, на котором горела та самая керосиновая лампа. Её свет был жидким, жёлтым, он не разгонял темноту, а только обозначал её границы.

У стены — раскладушка с тонким, вылинявшим одеялом. Полки из неструганых досок, на которых стояли банки с крупами, консервы, какая-то старая посуда, бутылки с водой, аптечка — простая, походная, с бинтами и зелёнкой.

На гвозде висела куртка — тоже старая, стёганая, с высоким воротником.

В углу — ведро с водой, рядом — ковш.

Всё бедно. Всё неубранно, но не хаотично. У каждой вещи было своё место, и это место говорило о привычке к долгому ожиданию. К чужому бегству. К ночам, когда кто-то стучит в дверь и говорит «пусти».

Женщина закрыла дверь на засов. Тяжёлый, старый засов, который она сдвинула с усилием, привычно, как делала это сотни раз.

Потом повернулась к Алине.

Вблизи лицо её оказалось старше, чем казалось при первом взгляде. Глубокие морщины, седые волосы, выбившиеся из-под платка, запавшие глаза — но не больные, не покорные, а цепкие, колючие, всё видящие.

— Имя, — сказала она.

— Алина.

— Муж?

— Данил.

— Когда забрали?

— Сегодня.

Женщина кивнула, будто складывала известный узор из новых деталей. Будто все эти кусочки — имена, даты, обстоятельства — составляли мозаику, которую она собирала уже много лет.

— Быстро работают, — сказала она. — Значит, он им зачем-то нужен. Не просто так. Если бы был случайный, они бы отпустили или заставили подписать бумаги и вывезли через неделю. Но раз держат — значит, есть план.

Алина шагнула к ней.

— Вы тоже знаете их? — спросила она, и голос её был твёрже, чем она чувствовала себя.

— К сожалению, — ответила женщина.

— Кто вы?

Женщина посмотрела на неё долгим, тяжёлым взглядом. В этом взгляде не было жалости. Было что-то другое — узнавание.

— Та, кто однажды уже отдала туда дочь, — сказала она.

Комната стала меньше. Воздух стал плотнее. Даже керосиновая лампа, казалось, мигнула.

Алина не нашлась, что сказать.

Женщина — Нина, как она себя назовёт через минуту — поставила фонарь на стол, сняла ватник и повесила его на гвоздь рядом с другим.

— Дочь? — переспросила Алина.

— Таня, — сказала Нина. — Двадцать три года. Ушла в прошлом году. Сказала, что едет на стажировку в другой город. Нашла их сайт. Подала заявку. Прошла отбор. Ей показалось, что её поняли. Что домой не вернётся. А потом перестала выходить на связь. Я приехала к воротам. Мне открыла женщина в чёрной мантии — не та, что сегодня, другая, — и сказала, что дочь уехала. Что она не хочет со мной говорить. Что я — её прошлое, а прошлое нужно отпустить.

Нина замолчала. Взяла со стола кружку — эмалированную, с оббитым краем — и сделала глоток. В кружке был чай, уже холодный.

— Ты нашла её? — спросила Алина.

— Нет. И ты не найдёшь.

Сергей, сидевший на раскладушке, поднял голову.

— Таня была в списках, — сказал он тихо. — Я видел её имя. Внутри. Но когда я сбежал, она уже находилась на втором этапе. Это значит — её перевели в закрытый сектор. Оттуда никто не выходит по своей воле.

Алина переводила взгляд с Нины на Сергея, с Сергея на Нину.

— Ты поэтому помогаешь? — спросила она у Нины. — Потому что надеешься найти её? Нина усмехнулась. Сухо. Грустно. Без слёз.

— Я помогаю, потому что кто-то должен, — сказала она. — Полиция не полезет. Журналисты боятся. Адвокаты требуют деньги, которых у меня нет. Остаётся только такие, как вы. И такие, как я.

Она посмотрела на Сергея.

— Он хоть и дурак, но полез. И не сломался до конца. А это уже много.

Сергей не ответил. Он сидел, прикрыв глаза, и дышал тяжело, но ровно.

— Вы знаете, как туда войти? — спросила Алина. — Не через парадный вход. Не по приглашению. По-настоящему?

Нина долго молчала. Подошла к плите, подкинула дров. Пламя лизнуло сухие ветки, затрещало, загудело.

— Завтра в одиннадцать у тебя встреча, — сказала она. — Ты пойдёшь. Это единственный шанс.

— Я знаю, — кивнула Алина. — Вопрос не в том, идти или нет. Вопрос в том, как не умереть внутри.

Нина повернулась к ней.

— Первое, — сказала она. — Не верь ничему, что тебе скажут. Даже если это будет звучать как правда. Даже если это совпадёт с тем, что ты думаешь о себе. Особенно если совпадёт. Потому что они умеют читать людей. И они скажут тебе именно то, что ты хочешь услышать.

— Второе: не пытайся играть роль. Они чувствуют фальшь. Ты должна быть собой — но без главного. Без цели. Без Данила. Без «я здесь, чтобы вытащить мужа». Ты должна прийти как человек, который сломался. Которому нужна помощь.

— Третье: не бери с собой ничего, что можно отследить. Телефон оставишь здесь. Никаких диктофонов, никаких камер, никаких жетонов. При входе обыщут. Аккуратно, вежливо, но обыщут.

— Четвёртое: запомни карту. Не бумажную — у тебя её всё равно отберут. Внутреннюю. Сергей расскажет тебе, что где находится. Если повезёт и тебя не запрут в первом же блоке, ты должна знать, куда идти.

Нина подошла к столу и села на табурет — тяжёло, с кряхтением.

— Пятое, — сказала она. — Самое важное.

Она посмотрела Алине прямо в глаза.

— Ты должна быть готова к тому, что, когда ты войдёшь, твой муж может не захотеть выходить. Не потому, что его запугали. Потому что его сломали. По-настоящему. До того состояния, когда человек считает, что снаружи смерть, а внутри — жизнь.

Алина почувствовала, как внутри неё что-то обрывается.

— Тогда я вытащу его силой, — сказала она.

— Силой не вытащишь, — покачала головой Нина. — Только если он сам захочет. А чтобы он захотел — ты должна вернуть ему память о том, кто он есть. Не словами. Не фотографиями. Чем-то другим.

— Чем?

Нина пожала плечами.

— Если бы я знала, моя дочь уже сидела бы здесь.

В комнате повисла тишина — тяжёлая, спрессованная горем и надеждой, которую уже почти не осталось.

Сергей закашлялся — сухо, надрывно, прижимая руку к боку. Нина встала, подошла к нему, заставила выпить воды из кружки, поправила подушку на раскладушке.

— Ложись, — сказала она. — Завтра рано вставать.

— Алина? — спросил Сергей.

— Она на стуле посидит, — ответила Нина. — Не привыкать.

Алина опустилась на жёсткий деревянный стул. Тело ныло, руки дрожали, глаза слипались. Но спать было нельзя. Не сейчас. Не тогда, когда внутри ещё гудел голос Евы: «Ваш муж жив».

Она смотрела на огонь в печке, жёлтый, живой, и думала.

О том, что завтра она войдёт в место, откуда её муж, возможно, уже не хочет выходить.

О том, что у неё нет плана Б, только план А, который придумал беглец с больными рёбрами и женщина, потерявшая дочь.

О том, что она, возможно, не вернётся.

Но это было неважно.

Важно было только одно: Данил жив. И пока он жив — есть надежда.

А надежда — даже самая маленькая, загнанная в угол, сбитая с ног — всё ещё была сильнее страха.

За окном скрипнула ветка.

Алина вздрогнула, но это был только ветер.

Или нет.

Она встала, подошла к окну, выглянула в темноту, прижавшись лбом к холодному, запотевшему стеклу.

Лес молчал.

Луна ещё не взошла.

Где-то там, за чёрной стеной деревьев, стоял особняк. А в нём — Данил.

— Я иду, — прошептала Алина в пустоту. — Держись.

Глава 8. Ночь перед входом

Печка потрескивала так тихо, будто тоже старалась не мешать.

Огонь внутри буржуйки был уже не тот, что час назад — не ревущий, не пожирающий дрова с жадностью, а глубокий, ворчливый, красный. Он дышал ровно, перекачивал угли с места на место, иногда выбрасывал короткий сноп искр, которые гасли, не долетев до пола. От него тянуло сухим теплом и тем особенным, уютным запахом, который бывает только у печей в старых домах — смесь берёзовых дров, чуть сыроватых, и вековой пыли, въевшейся в кирпич.

Нина поставила на стол чайник — старый, закопчённый, со сбитым носиком — и достала из шкафчика три эмалированные кружки с оббитыми краями. Поставила их на стол, не спрашивая, кто будет пить, кто нет. Потом бросила в кипяток щепоть сухих трав из мешочка — резкий, горьковатый запах зверобоя и мяты, смешанный с чем-то ещё, незнакомым, похожим на сушёную кору или корень.

В сторожке пахло дымом, влажной одеждой, железом и старым деревом, которое помнило не одно поколение беглецов. Пахло так, как пахнут места, где люди не живут, а переживают. Где каждая вещь помнит чужие руки, а каждый угол — чужие слёзы.

После сырой, липкой темноты снаружи это помещение должно было казаться убежищем. Но Алине оно казалось скорее перевалочным пунктом — местом, где заправляются перед последним рывком, где не остаются надолго, потому что долго здесь не выдерживает никто.

Сергей сел на край раскладушки и сразу ссутулился, будто тело наконец позволило себе признать то, что разум отрицал последние часы — усталость, боль, предел. Он снял куртку сам, но движения были медленными, осторожными, каждое давалось через морщину на лбу и короткий, приглушённый выдох. Футболка под курткой была тёмной не только от грязи — в двух местах ткань прилипла к телу, и Алина заметила это, но не спросила.

Нина принесла аптечку — старый ржавый чемоданчик с красным крестом, который помнил, наверное, ещё советские больницы. Открыла, достала бинты, йод, какие-то баночки с мазями. Всё это было поношенное, наполовину использованное, но ухоженное — Нина знала цену каждой вещи.

— Раздевайся, — коротко приказала она Сергею. Голос звучал не грубо — привычно, как у человека, который не тратит времени на вежливости там, где речь идёт о живом.

Сергей стянул футболку через голову, и Алина отвернулась. Не потому, что ей было неловко — потому, что она не хотела запоминать то, что увидела краем глаза: синяки, которые уже пожелтели по краям, но в центре были ещё тёмными, фиолетовыми, и длинную, заживающую ссадину вдоль ребер — ту, на которую он всё время жаловался, сам того не замечая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.